

Александр ДЮМА

КОРОЛЕВА МАРГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЛАТЫНЬ ГЕРЦОГА ДЕ ГИЗА

В понедельник восемнадцатого августа 1572 года в Лувре был большой праздник.

Обыкновенно темные окна старинного жилища королей были ярко освещены, а близлежащие площади и улицы, как правило, пустынные, едва лишь колокол церкви Сен-Жермен-Л'Осеруа бил девять часов вечера, теперь кишели народом, хотя была уже полночь.

Густая, грозная, шумная толпа в темноте напоминала мрачное взволнованное море, где каждая волна превращалась в рокочущий вал; это море, хлынувшее на улицу Фосе-Сен-Жермен и улицу Астрюс, заливало набережную, прилиvalo к подножию луврских стен и отливало к цоколю Бурбонского дворца, стоявшего напротив.

Несмотря на то, что это был королевский праздник, а быть может, именно потому, что это был королевский праздник, что-то грозное чувствовалось в народе: он не сомневался, что это торжество, на котором он присутствует только как зритель, – лишь пролог к другому, отложенному на неделю торжеству, где он сам будет желанным гостем и повеселится от всей души.

Двор праздновал свадьбу Маргариты Валуа, дочери короля Генриха II и сестры короля Карла IX, с Генрихом Бурбоном, королем Наваррским. Утром кардинал Бурбон, по обряду, установленному для французских принцесс, обвенчал жениха и невесту на помосте, воздвигнутом перед воротами собора Парижской Богоматери.

Этот брак изумил всех, а людей наиболее дальновидных заставил серьезно задуматься; трудно было понять сближение двух таких ненавистных Друг другу партий, какими были в то время протестантская и католическая партии. Люди спрашивали себя, как может молодой принц Конде простить

брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть своего отца, которого убил при Жарнаке Монтескью. Лю-Ди спрашивали себя, как может молодой герцог де Гиз простить адмиралу Колиньи смерть своего отца, которого убил под Орлеаном Польтро де Мере. Более того, Жанна Наваррская, мужественная супруга безвольного Антуана Бурбона, устроившая свадьбу своего сына Генриха с дочерью французского короля, умерла всего лишь два месяца тому назад, и о причине ее внезапной смерти ходили странные слухи. Всюду поговаривали шепотом, а кое-где и громко о том, что ей стала известна какая-то страшная тайна и что Екатерина Медичи, боявшаяся разоблачения этой тайны, отравила королеву Жанну надушенными перчатками, которые изготовил некий флорентиец Рене, великий искусник в такого рода делах. Эти слухи распространялись и усиливались еще и потому, что после смерти великой королевы двум врачам, в том числе и знаменитому Амбруазу Паре, приказали, по желанию сына умершей, вскрыть и исследовать ее тело, но не мозг. А так как Жанну Наваррскую отравили запахом, то именно в мозгу могли быть обнаружены следы преступления. Мы говорим «преступления», ибо никто не сомневался, что здесь было совершено преступление.

Но это еще не все: король Карл настойчиво, упорно стремился устроить этот брак, который должен был не только, восстановить мир в королевстве, но и привлечь в Париж всех протестантских вождей. Так как жених был протестант, а невеста – католичка, необходимо было испросить разрешение на брак у Григория XIII, занимавшего в то время папский престол. Разрешение задерживалось, это сильно беспокоило Жанну д'Альбре, и однажды в разговоре с Карлом она выразила опасение, что разрешение, пожалуй, не придет совсем. Король на это ответил так:

– Не волнуйтесь, дорогая тетушка: вас я уважаю больше, чем папу, а сестру люблю больше, чем боюсь его. Я не гугенот, но и не глупец, и если папа будет валять дурака, я сам возьму Марго за руку и поведу ее венчаться с вашим сыном по обряду протестантской церкви.

Эти слова разнеслись из Лувра по городу, очень обрадовали гугенотов и заставили серьезно задуматься католиков, втихомолку спрашивавших друг друга, предаст их король на самом деле или разыгрывает комедию, которая в один прекрасный день или прекрасную ночь обретет неожиданную развязку.

И уж совершенно непостижимым было отношение Карла IX к адмиралу Колиньи, который в течение пяти или шести лет вел с королем ожесточенную войну; король, назначивший пятьдесят тысяч экю золотом в награду за голову адмирала, теперь чуть не клялся его именем, называл его отцом и во всеуслышание заявлял, что именно его назначит главнокомандующим в предстоящей войне; сама Екатерина Медичи, до сих пор направлявшая действия, волю чуть ли не желания молодого монарха, встревожилась, и не без причины: в порыве откровенности Карл IX сказал адмиралу о Фландрской войне:

– Отец, тут есть еще одно обстоятельство, которое требует, чтобы мы были очень осторожны: ведь вы знаете что королева-мать всюду сует свой нос, но об этом деле она пока ничего не знает, поэтому мы должны все держать в тайне, чтобы королева ни о чем и не подозревала, а то она со своей сварливостью испортит наше дело.

При всем своем уме и опытности Колиньи все же не мог полностью скрыть от других, как безгранично доверяет ему король; и хотя в Париж он приехал с серьезными подозрениями, и хотя, когда он выезжал из Шатийона, одна крестьянка умоляла его на коленях: «Добрый наш господин, не езди ты в Париж; и тебя и всех, кто поедет с тобой, там убьют!», мало-помалу эти подозрения растаяли и в его сердце и в сердце его зятя де Телиньи, к которому король проявлял самые дружеские чувства, называл его братом, как называл отцом адмирала, и говорил ему «ты», а говорил он «ты» только самым близким своим друзьям.

Таким образом, все гугеноты, за исключением нескольких угрюмых и недоверчивых личностей, совершенно успокоились: смерть королевы Наваррской объяснили воспалением легких, и просторные залы Лувра заполнили мужественные гугеноты, которым брак их юного вождя Генриха сулил совершенно неожиданный счастливый поворот судьбы. Адмирал Колиньи, Ларошфуко, принц Конде-сын, де Телиньи – словом, все вожди партии торжествовали, видя, какой огромный вес приобретали в Лувре и как радушно были приняты в Париже те самые люди, которых три месяца назад король Карл и королева Екатерина собирались вешать на виселицах ловыше, чем виселицы для простых убийц. Одного только маршала де Монморанси напрасно стали бы искать среди его собратьев: никакие обещания не могли соблазнить его, никакая видимость – обмануть, и он удалился в свой замок Иль-Адан, извиняя свое затворничество скорбью о

гибели отца, коннетабля Анна де Монморанси, которого застрелил из пистолета Роберт Стюарт в битве при Сен-Дени. Но так как с тех пор прошло больше трех лет, а чувствительность не принадлежала к числу добродетелей того времени, то каждый Думал об атом чрезмерно продолжительном трауре все, что ему заблагорассудится.

К тому же, по всей видимости, маршал де Монморанси ошибался: и король, и королева, и герцог Анжуйский, и герцог Алансонский с великим почетом принимали гостей на королевском празднестве.

Герцог Анжуйский выслушивал от самих гугенотов вполне заслуженные хвалы за битвы при Жарнаке и Монконтуре, которые он выиграл, будучи неполных восемнадцати лет от роду, – выиграл раньше, чем начали побеждать Цезарь и Александр Македонский, с которыми его сравнивали, отдавая, само собой разумеется, пальму первенства ему, а не победителям при Иссе и Фарсале; герцог Алансонский посматривал на все это глазами ласковыми и лживыми; королева Екатерина сияла от радости и с приторной любезностью поздравляла Генриха Конде с его недавней женитьбой на Марии Клевской; даже Гизы улыбались страшным врагам их рода, и герцог Майеннский обсуждал с Таванном и адмиралом Колиньи предстоящую войну с Филиппом II, о которой в это время разговоров было больше, чем когда бы то ни было.

Между этими группами людей, потупив голову и вслушиваясь в разговоры, бродил девятнадцатилетний юноша с проницательным взглядом, лукавой улыбкой, с черными, коротко подстриженными волосами, густыми бровями, с орлиным носом, с едва пробившимися усиками и бородой. Этот молодой человек, успевший пока отличиться только в битве при Арне-ле-Дюк, где храбро дрался, не щадя себя, а теперь принимавший бесконечные поздравления, был любимым учеником адмирала Колиньи и героем дня; три месяца назад, при жизни матери, он именовался принцем Беарнеким, а после ее смерти получил титул короля Наваррского и носил его до тех пор, пока не стал именоваться Генрихом IV.

Временами темное облачко скользило по его лицу: очевидно, он вспоминал смерть матери, умершей всего лишь два месяца назад, и нисколько не сомневался, что ее отравили. Но это облачко проносилось легкой тенью и исчезало; оно набегало оттого, что те самые люди, которые сейчас толпились около Генриха, заговаривали с ним и поздравляли, были

убийцами мужественной Жанны д'Альбре.

В нескольких шагах от короля Наваррского, столь же задумчивый, столь же встревоженный, сколь веселым и беззаботным выглядел Генрих, стоял и беседовал с Телины молодой герцог де Гиз. Герцог был счастливее Беарнца: в свои двадцать два года он уже прославился почти так же, как его отец, великий Франсуа де Гиз. Это был изящный вельможа высокого роста, с гордым, надменным взглядом, с такой врожденной величавостью, что, как утверждали многие, другие вельможи в его присутствии казались простолюдинами. Несмотря на его молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя, так же как протестантская партия видела своего вождя в юном короле Наваррском, портрет которого мы только что на бросали. Прежде герцог Гиз носил титул герцога Жуанвильского и первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под командованием своего отца, который умер у него на руках, указав на адмирала Колины как на своего убийцу. Юный герцог, подобно Ганнибалу, дал торжественную клятву: он поклялся отомстить адмиралу и всему его роду за смерть отца, безжалостно и неусыпно преследовать врагов своей религии и дал обет Богу стать Его ангелом-мстителем на земле до того дня, пока не будет истреблен последний еретик. А теперь все с великим изумлением видели, что герцог, обычно верный своему слову, пожимает руки своим заклятым врагам и по-приятельски беседует с зятем того, кого он обещал умирающему отцу уничтожить.

Но мы уже сказали, что это был удивительный вечер.

В самом деле, если бы на этом празднестве вдруг очутился особо одаренный наблюдатель, способный видеть будущее, чего, к счастью, не дано людям, и способный читать в душах, что, к несчастью, дано лишь Богу, он, конечно, наслаждался бы самым любопытным зрелищем, какое только может представить вся печальная человеческая комедия.

Но если такой наблюдатель отсутствовал в Луврских галереях, то он был на улице; там раздавался его грозный рапорт и горели его глаза: то был народ, с его чутьем, обостренным ненавистью; он издали глядел на силуэты своих непримиримых врагов и толковал их чувства так же простодушно, как это делает любопытный прохожий, глаза в закрытые окна зала, где танцуют. Танцоров опьяняет и влечет за собой музыка, любопытный видит только движения и, не слыша музыки, потешается над тем, как скачут эти

марионетки.

Музыкой, опьянявшей гугенотов, был голос их удовлетворенной гордости.

Огни, вспыхивавшие в глазах парижан и сверкавшие во мраке ночи, были молниями ненависти, озарявшими грядущее.

А во дворце все веселились по-прежнему, как вдруг по всему Лувру пронесся особенно ласковый и мягкий говор: сняв подвенечный наряд, длинную вуаль и мантию, юная новобрачная вошла в зал вместе с красавицей герцогиней Неверской, своей лучшей подругой, и с братом, Карлом IX, который вел ее за руку и представлял наиболее почетным гостям.

То была дочь Генриха II, то была жемчужина французской короны, то была Маргарита Валуа, которую Карл IX, питавший к ней особую нежность, обычно звал «сестричкой Марго».

Никому не оказывали такого восторженного приема столь заслуженно, как королеве Наваррской. Маргарите едва исполнилось двадцать лет, а уже все поэты пели ей хвалу; одни сравнивали ее с Авророй, другие – с Кифереей 1. По красоте ей не было равных даже здесь, при таком дворе, где Екатерина Медичи старалась подбирать на роль своих сирен самых красивых женщин, каких только могла найти. У нее были черные волосы, изумительный цвет лица, чувственное выражение глаз с длинными ресницами, тонко очерченный алый рот, стройная шея, роскошный гибкий стан и маленькие, детские ножки в атласных туфельках. Французы гордились тем, что на их родной почве вырос этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину ослепленные красотой Маргариты, если им удавалось повидать ее, и пораженные ее образованием, если им удавалось с ней поговорить. И в самом деле, Маргарита была не только самой красивой, но и самой образованной женщиной своего времени; вот почему нередко вспоминали слова одного итальянского ученого, который был ей представлен и который, побеседовав с ней целый час по-итальянски, по-испански, по-гречески и по-латыни, в восторге сказал: «Побывать при дворе, не повидав Маргариты Валуа, значит, не увидеть ни Франции, ни французского двора».

Не было недостатка и в торжественных речах, обращенных к королю Карлу

IX – известно, сколь многословны были гугеноты. В эти торжественные речи ловко вкраплялись и намеки на прошлое, и пожелания на будущее. Но Карл IX с хитрой улыбкой на бледных губах отвечал на все намеки одно и то же:

– Отдавая мою сестру Генриху Наваррскому, я отдаю и мое сердце всем гугенотам моего королевства.

Такой ответ одних успокаивал, у других вызывал улыбку своей двусмысленностью: его можно было понять как отеческое отношение короля ко всему народу, хотя Карл IX не собирался придавать своей мысли такую широту; можно было придать ему и другой смысл, оскорбительный для новобрачной, для ее мужа, да и для самого Карла, так как его слова невольно вызывали в памяти скандальные слухи, которыми дворцовая хроника уже успела запятнать брачные одежды Маргариты Валуа.

Как мы уже сказали, герцог де Гиз беседовал с де Телиньи, но беседа поглощала не все его внимание: время от времени он оборачивался и бросал взгляд на группу дам, в центре которой блистала королева Наваррская.

И всякий раз, как глаза королевы встречались с глазами молодого герцога, тень набегала на ее красивое лицо, над которым образовывало ореол трепетное сверкание алмазных звезд, и какое-то непонятное желание проглядывало сквозь ее волнение и тревогу.

Принцесса Клод, старшая сестра Маргариты, несколько лет назад вышедшая замуж за герцога Лотарингского, заметила, что сестра встревожена, и стала продвигаться к ней, желая спросить, что случилось, но тут все гости расступились, давая дорогу королеве-матери, входившей под руку с молодым принцем Конде, и оттеснили принцессу Клод от сестры. Герцог де Гиз воспользовался движением толпы, чтобы подойти поближе к герцогине Неверской, своей невестке, а вместе с тем и к Маргарите. В ту же минуту герцогиня Лотарингская, не терявшая из виду королеву, заметила, как тень тревоги, омрачившая ее лицо, исчезла, а на щеках вспыхнул яркий румянец. Когда же герцог, все ближе продвигаясь к Маргарите, наконец оказался в двух шагах от нее, она скорее почувствовала, чем увидела его и, сильным напряжением воли придав своему лицу выражение беспечное и спокойное, повернулась к герцогу;

герцог почтительно приветствовал ее и с низким поклоном тихо сказал ей по-латыни:

– Ipse attuli. Это значит: «Я принес» или «Я сам принес».

Маргарита сделала реверанс и, выпрямляясь, ответила тоже по-латыни:

– Noctu pro more. Это значит: «Сегодня ночью, как всегда».

Эти отрадные слова, ушедшие в плоеный, очень широкий ворот королевы, как в воронку рупора, не были услышаны никем, кроме того, кому они были сказаны, но, несмотря на краткость разговора, они успели сообщить друг другу то, что хотели; обменявшись этими словами, они расстались – Маргарита с мечтательным выражением лица, а герцог – повеселевший после встречи с нею. Но тот, кому следовало бы весьма серьезно заинтересоваться этой сценой, то есть король Наваррский, не обратил на нее ни малейшего внимания, – глаза его не видели уже ничего, кроме одной женщины, собравшей вокруг себя почти такой же многочисленный кружок, как и Маргарита Валуа, – красавицы г-жи де Сов.

Шарлотта де Бон-Санблансе, внучка несчастного Санблансе² и жена Симона де Физа, барона де Сов, была придворной дамой Екатерины Медичи и одной из самых опасных ее помощниц в тех случаях, когда королева, не решаясь ополить врага флорентийским ядом, старалась опьянить его любовью: маленькая блондинка, то искрившаяся жизнью, то исполненная грусти, но всегда готовая к любви и к интриге – двум основным занятиям придворных при трех французских королях, сменивших друг друга за последние пятьдесят лет, – г-жа де Сов была женщина в полном смысле слова, во всем обаянии этого творения природы, начиная с синих глаз, порой томных, порой горевших огнем, до кончика ее игривых точеных ножек, обутых в бархатные туфельки. За какие-нибудь несколько месяцев она успела овладеть всем существом короля Наваррского, еще новичка и в политике и в любви; потому-то Маргарита Валуа с ее роскошной, царственной красотой не вызывала у своего супруга даже восхищения. И было нечто странное даже для такой темной, таинственной души, как душа Екатерины Медичи, и поражавшее всех: дело в том, что королева-мать, твердо поставив своей целью брачный союз между своей дочерью и королем Наваррским, в то же время почти открыто поощряла его любовь к г-же де Сов. Но, несмотря на столь сильную

поддержку и на легкость нравов той эпохи, красавица Шарлотта все еще упорствовала, и это невиданное, неслыханное, непостижимое упорство больше, чем ум и красота упрямцы, возбудило в сердце Беарнца такую страсть, которая, не находя удовлетворения, замкнулась в самой себе, вытеснив из сердца юного Генриха и застенчивость, и гордость, и даже беспечность, бравшую начало частично в его мировоззрении, частично в его лени и составляющую основу его характера.

Госпожа де Сов явилась в бальный зал лишь несколько минут назад; с досады или от огорчения, она сначала решила не присутствовать при торжестве своей соперницы и под предлогом нездоровья отправила в Лувр мужа, занимавшего пост государственного секретаря уже пять лет, одного. Но Екатерина Медичи, заметив, что барон де Сов явился один, спросила, почему отсутствует ее любимица Шарлотта; услышав, что у г-жи де Сов всего-навсего легкое недомогание, она черкнула ей несколько слов, предлагая явиться, и баронесса поспешила исполнить ее требование. Генрих, сначала очень огорченный отсутствием г-жи де Сов, все-таки почувствовал себя свободнее, когда увидел, что барон де Сов пришел без жены; потеряв надежду встретиться с нею, Генрих вздохнул и уже решил подойти к милой женщине, которую был обязан если не любить, то почитать своей женой, как вдруг увидел в конце галереи г-жу де Сов; он замер на месте, не спуская глаз с этой Цирцеи, приковавшей его к себе волшебной цепью, и, после некоторого колебания, вызванного скорее неожиданностью, чем осторожностью, вместо того, чтобы подойти к жене, пошел навстречу баронессе.

Придворные видели, что король Наваррский идет к красавице Шарлотте, и зная, как пылко его сердце, деликатно удалились, чтобы не мешать их встрече; и как раз в то время, когда Маргарита Валуа и герцог Гиз обменивались уже известными нам латинскими словами, Генрих подошел к г-же де Сов и тоже заговорил, но заговорил на французском языке, вполне понятном, несмотря на его гасконский акцент, и разговор этот был, во всяком случае, куда менее таинственным, чем вышеприведенный.

– А-а! Душенька моя! – сказал он ей. – Вы появились в ту самую минуту, когда мне сказали, что вы больны, и я потерял надежду вас увидеть!

– Ваше величество! Не пытаетесь ли вы убедить меня, что потеря этой надежды дорого вам стоила? – спросила г-жа де Сов.

– Господи Боже! Еще бы не дорого! – отвечал Беарнец. – Разве вы не знаете, что днем вы мое солнце, а ночью – моя звезда? Честное слово, я был в непроглядном мраке, но вот явились вы и сразу озарили все вокруг.

– В таком случае, ваше величество, я играю с вами злую шутку.

– Что вы хотите этим сказать, душенька? – спросил Генрих.

– Я хочу сказать, что когда вам принадлежит самая красивая женщина во Франции, вы можете желать только одного – чтобы свет погас и наступил мрак, ибо во мраке вас ждет блаженство.

– Вы прекрасно знаете, злючка, что мое блаженство в руках только одной женщины, а эта женщина играет и забавляется несчастным Генрихом.

– О-о! А мне вот кажется, что эта женщина была игрушкой и забавой для короля Наваррского, – сказала баронесса.

Эти злобные выпады испугали было Генриха, но он рассудил, что они выдают досаду, а досада – маска любви.

– Дорогая Шарлотта, – сказал он, – по чести, ваш упрек несправедлив, и я не понимаю, как может такой красивый ротик говорить так зло. Неужели вы думаете, что в этот брак вступаю я? Клянусь чем угодно, не я!

– Уж не я ли? – язвительно ответила она, если можно назвать язвительными слова женщины, которая вас любит и упрекает за то, что ее не любите вы.

– И этими прекрасными глазами вы видите так плохо? Нет, нет, не Генрих Наваррский женится на Маргарите Валуа.

– А кто же?

– О Господи! Реформатская церковь выходит замуж за папу, вот и все.

– Нет-нет, ваше величество, меня не ослепить блеском остроумия: вы любите королеву Маргариту, и это не упрек, Боже сохрани! Она так хороша, что не любить ее невозможно.

Генрих задумался на минуту, и пока он размышлял, добрая улыбка заиграла

в уголках его губ.

– Баронесса, – заговорил он, – мне кажется, вы хотите поссориться со мной, но вы не имеете на это права: скажите, сделали вы хоть что-нибудь, что помешало бы мне жениться на Маргарите? Ничего! Напротив, вы то и дело приводили меня в отчаяние.

– И благо мне, ваше величество!

– Это почему же?

– Да потому, что сегодня вы соединяетесь с другой.

– Оттого, что вы меня не любите.

– А если бы я полюбила вас, государь, через час мне пришлось бы умереть.

– Умереть через час? Что это значит? И от чего?

– От ревности... Через час королева Наваррская отпустит своих придворных дам, а ваше величество – своих придворных кавалеров.

– И мысль об этом действительно вас огорчает, душенька?

– Этого я не сказала. Я сказала: если бы я любила вас, то эта мысль страшно огорчала бы меня.

– Хорошо! – вне себя от радости воскликнул Генрих: ведь это было признание, первое признание в любви. – Ну, а если вечером король Наваррский не отпустит своих придворных кавалеров?

– Государь, – сказала г-жа де Сов, глядя на короля с изумлением, на сей раз совершенно непритворным, – это невозможно, а главное – этому нельзя поверить.

– Что сделать, чтобы вы поверили?

– Мне нужно доказательство, которого вы не можете мне дать.

– Отлично, сударыня, отлично! Клянусь святым Генрихом, я дам вам доказательство! – воскликнул король, пожирая молодую женщину глазами,

в которых пламенела любовь.

– Ваше величество! – тихо произнесла баронесса, опуская глаза. – Я не понимаю... Нет, нет! Нельзя бежать от счастья, которое вас ждет.

– Моя любимая, в этом зале – четыре Генриха, – сказал король, – Генрих Французский, Генрих Конде, Генрих де Гиз, но только один Генрих Наваррский.

– И что же?

– А вот что: если этот самый Генрих Наваррский всю ночь проведет у вас...

– Всю ночь?

– Да, всю ночь, убедит ли это вас, что у другой он вне был?

– Ах, государь, если бы!.. – воскликнула г-жа де Сов.

– Слово дворянина!

Госпожа де Сов подняла на короля свои большие влажные глаза, полные страстных обещаний, и улыбнулась ему такой улыбкой, что сердце его забилось от радости и упоения.

– Посмотрим, что скажете вы тогда, – продолжал Генрих.

– О, тогда, ваше величество, я скажу, что вы действительно меня любите, – отвечала Шарлотта.

– Вы это скажете, потому что это правда.

– Но как же это сделать? – пролепетала г-жа де Сов.

– Ах, Боже мой! Неужели у вас нет такой камеристки, горничной, служанки, на которую вы могли бы положиться?

– У меня есть настоящее сокровище, это моя Дариола, которая так предана мне, что даст себя изрезать на куски ради меня.

– Боже мой! Скажите этой девице, баронесса, что я ее озолочу, как только,

согласно предсказаниям астрологов, стану французским королем.

Шарлотта улыбнулась: в то время люди не верили гасконским обещаниям Беарнца.

– Ну хорошо! Чего же вы хотите от Дариолы? – спросила она.

– Того, что для нее – сущий пустяк, а для меня – все на свете.

– А именно?

– Ведь ваши комнаты над моими?

– Да.

– Пусть она ждет за дверью. Я тихонько стукну в дверь три раза; она откроет, и вы получите доказательство, какое я вам обещал.

Несколько секунд г-жа де Сов молчала; потом огляделась вокруг, словно желая убедиться, что их никто не подслушивает, и на мгновение остановила взор на группе людей, окружавших королеву-мать, но этого мгновения было достаточно, чтобы Екатерина и ее придворная дама обменялись взглядом.

– А вдруг мне захочется уличить ваше величество во лжи? – сказала г-жа де Сов голосом, каким сирена могла бы растопить воск в ушах спутников Одиссея. – Попробуйте, душенька, попробуйте.

– Честное слово, мне очень трудно побороть в себе это желание.

– Так пусть оно победит вас: женщины всегда особенно сильны после поражения.

– Государь, когда вы станете французским королем, я вам напомню о том, что вы обещали Дариоле.

Генрих вскрикнул от радости.

Этот радостный крик вырвался у Генриха в то самое мгновение, когда королева Наваррская ответила герцогу де Гизу латинской фразой:

– Noctu pro more. – Сегодня ночью, как всегда.

Генрих расстался с г-жой де Сов, такой же счастливый, как герцог Гиз, расставшийся с Маргаритой Валуа.

А через час король Карл и королева-мать удалились в свои покои; почти тотчас же луврские залы начали пустеть и в галереях стали видны базы мраморных колонн. Четыреста дворян-гугенотов проводили адмирала и принца Конде сквозь толпу, роптавшую им вслед. После них вышли герцог Гиз, лотарингские вельможи и другие католики, сопровождаемые радостными криками и рукоплесканиями народа.

Что касается Маргариты Валуа, Генриха Наваррского и г-жи де Сов, то они, как известно, жили в Лувре.

Глава 2

СПАЛЬНЯ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ

Герцог де Гиз вместе с невесткой, герцогиней Неверской, вернулся к себе во дворец на улице Шом, что против улицы Брак, и, оставив герцогиню на попечение ее служанок, прошел в свои покои, чтобы переодеться, взять ночной плащ и короткий с острым кончиком кинжал, который назывался «Слово дворянина» и которым заменяли шпагу; но, взяв со стола кинжал, герцог заметил маленькую записку, всунутую между ножнами и клинком.

Он развернул бумажку и прочитал:

«Надеюсь, что герцог де Гиз сегодня ночью не вернется в Лувр; если же вернется, пусть на всякий случай наденет добрую кольчугу и захватит добрую шпагу».

– Так, так! – произнес герцог, оборачиваясь к лакею. – Странное предупреждение. Робен! Кто приходил сюда в мое отсутствие?

– Только один человек, ваша светлость.

– А именно?

– Господин дю Га.

– Так! Так! То-то мне показалось, что почерк знакомый. А ты точно знаешь, что приходил дю Га? Ты его видел?

– Не только видел, но и разговаривал с ним, ваша светлость.

– Хорошо, послушаюсь его совета. Шпагу и короткую кольчугу!

Лакей, привыкший к подобного рода переодеваниям, принес и то и другое. Герцог надел кольчугу из таких тоненьких колечек, что стальное плетение было не толще бархата; поверх кольчуги надел серебристо-серый камзол – его излюбленное сочетание цветов, – надел штаны, натянул высокие сапоги, доходившие до середины бедер, на голову надел черный бархатный берет без пера и драгоценностей, закутался в широкий темный плащ, прицепил к поясу кинжал и, отдав шпагу пажу, составлявшему теперь всю его свиту, пошел по направлению к Лувру.

Когда он переступил порог своего дома, звонарь Сен-Жермен-Л'Осеруа пробил час ночи.

Несмотря на поздний час и опасность ночных прогулок в те времена, отважный герцог совершил свой путь без всяких приключений и, здоров и невредим, подошел к огромному, страшному теперь тишиной и тьмой массиву Лувра, где все огни погасли.

Перед королевским замком тянулся глубокий ров, куда выходили почти все комнаты августейших особ, живших во дворце. Покои Маргариты находились в нижнем этаже.

Но и нижний этаж, куда не трудно было бы проникнуть, благодаря глубокому рву находился на высоте почти тридцати футов, следовательно – вне досягаемости для любовников или воров; однако герцог де Гиз решительно спустился в ров.

В ту же минуту стукнуло одно из окон нижнего этажа. Окно было забрано железной решеткой, но чья-то рука вынула один из прутьев, заранее подпиленный, и спустила шелковый шнур в образовавшуюся щель.

– Жийона, это вы? – тихо спросил герцог.

– Да, ваша светлость, – еще тише ответил женский голос.

– А где Маргарита?

– Она ждет вас.

– Отлично.

Герцог сделал знак своему пажу; паж вынул из-под плаща узкую веревочную лестницу. Герцог привязал ее к висящему шнуру, Жийона подтянула лестницу к себе и закрепила, а герцог, прицепив шпагу к поясу, вскарабкался по лестнице и благополучно достиг окна. После этого железный прут решетки стал на место, окно затвори-, лось, а паж, раз двадцать сопровождавший своего господина к этим окнам, убедившись, что герцог благополучно проник в Лувр, закутался в свой плащ и улегся спать под стеной, на траве, покрывавшей ров.

Ночь была мрачная; редкие, теплые, крупные капли падали из туч, насыщенных серой и электричеством.

Герцог следовал за своей провожатой, которая ни много, ни мало, была дочерью маршала Франции Жака де Матиньона; она пользовалась особым доверием Маргариты, не имевшей от нее никаких тайн; поговаривали, что в числе тайн, хранимых неподкупной верностью Жийоны, были такие страшные, что заставляли ее хранить все остальные.

В нижних комнатах и в коридорах было совсем темно, лишь изредка мертвенно-бледная молния освещала мрачные покои голубоватым светом, который тотчас потухал.

Провожатая герцога вела его за руку все дальше и дальше, пока наконец они не дошли до винтовой лестницы, выбитой в толще стены и упиравшейся в незримую потайную дверь прихожей апартаментов Маргариты.

В прихожей царил такой же непроглядный мрак, как и во всем нижнем этаже.

Войдя в прихожую, Жийона остановилась.

– Вы принесли то, что угодно королеве? – спросила она шепотом.

– Да, – ответил герцог де Гиз, – но я отдам это только ее величеству в собственные руки.

– Не теряйте времени, входите! – раздался из темноты голос, при звуке которого герцог, узнав голос Маргариты, вздрогнул.

Бархатная лиловая, украшенная золотыми лилиями портьера приподнялась, и герцог увидел в полумраке королеву, которая, не утерпев, вышла ему навстречу.

– Я здесь, – произнес герцог, быстро проходя под портьерой, которая тотчас упала за его спиной.

Маргарите Валуа пришлось теперь самой быть проводницей герцога в своих покоях, хотя и хорошо ему знакомых, а Жийона осталась у двери и, приложив палец к губам, показывала своей августейшей госпоже, что кругом все тихо.

Словно понимая ревнивую тревогу герцога, Маргарита ввела его в спальню и остановилась.

– Что ж, герцог, вы довольны? – спросила она.

– Доволен? А чем, позвольте вас спросить? – вопросом на вопрос отвечал он.

– А доказательством того, – не без досады ответила Маргарита, – что я принадлежу мужчине, который уже к вечеру дня свадьбы, в самую брачную ночь, так мало обо мне думает, что даже не явился поблагодарить за честь если не моего выбора, то согласия назвать его моим супругом.

– Не беспокойтесь, он придет, тем более раз вы сами того хотите! – с грустью возразил герцог.

– Генрих! И это говорите вы, хотя прекрасно знаете, как это несправедливо! – воскликнула Маргарита. – Если б у меня было желание, на которое вы намекаете, разве я просила бы вас прийти сегодня в Лувр?

– Вы, Маргарита, просили меня явиться в Лувр потому, что хотите уничтожить все, что осталось от наших былых отношений, так как это бывшее живет не только в моем сердце, но и в серебряном ларце, который я принес вам.

– Знаете, что я вам скажу, Генрих? – сказала Маргарита, пристально глядя на герцога. – Вы мне напоминаете не принца, а школьника! Это я стану отрицать, что любила вас?! Это я захочу погасить пламя, которое, может

быть, и потухнет, но отблеск которого не угаснет никогда?! Любовь женщин, занимающих такое положение, как я, может или озарить, или погубить свою эпоху. Нет, нет, герцог! Вы можете оставить у себя и письма вашей Маргариты и ларчик, который она вам подарила. Из всех писем, что в нем лежат, она требует только одно, да и то потому, что оно опасно в равной мере для вас и для нее.

– Все они в вашем распоряжении; берите то, какое вам угодно уничтожить.

Маргарита стала быстро рыться в ларчике, трепетной рукой перебрала с десяток писем, пробегая глазами только их первые строки: ей достаточно было взглянуть на обращение, чтобы в ее памяти тотчас же возникло и содержание письма; но, просмотрев все письма, она страшно побледнела, перевела глаза на герцога и сказала:

– Здесь нет того письма, которое я ищу. Неужели вы потеряли его? Ведь..., если передать его...

– Какое письмо вы ищете?

– То, в котором я прошу вас немедленно жениться.

– Чтобы оправдать свою измену? Маргарита пожала плечами.

– Нет, чтобы спасти вам жизнь. Я говорю о письме, в котором писала вам, что король, видя и нашу любовь, и мои старания расстроить ваш брак с инфантой Португальской, вызвал нашего единокровного брата, герцога Ангулемского, и сказал ему, показывая на две шпаги:

«Или вот этой шпагой ты сегодня вечером убьешь герцога де Гиза, или вот этой я завтра же убью тебя». Где это письмо?

– Вот оно, – ответил герцог де Гиз, вынимая письмо из-за пазухи.

Маргарита чуть не вырвала его у герцога, лихорадочно развернула, удостоверилась, что это и есть то письмо, о котором шла речь, вскрикнула от радости и поднесла к свече. Пламя уничтожило его мгновенно, но Маргаритка, словно боясь, что даже в пепле смогут найти ее неосторожное предупреждение, растоптала и пепел.

Герцог де Гиз все это время следил за лихорадочными движениями своей любовницы.

– Что ж, Маргарита, теперь-то вы довольны? – спросил он, когда все кончилось.

– Да, теперь, когда вы женились на принцессе Порсиан, брат простит нашу любовь; но он никогда не простил бы мне разглашение тайны, подобной той, какую я, из слабости к вам, была не в силах скрыть от вас.

– Да, правда, – ответил герцог де Гиз, – в то время вы меня любили.

– Генрих, я люблю вас по-прежнему, даже больше прежнего.

– Вы?

– Да, я. Я никогда так не нуждалась в преданном и бескорыстном друге, как теперь, – ведь я королева без королевства и безмужняя жена.

Молодой герцог грустно кивнул головой.

– Я говорила вам и теперь повторяю, Генрих, что мой муж меня не только не любит, но презирает и даже ненавидит; впрочем, одно то, что вы находитесь у меня в спальне, как нельзя лучше доказывает, что он меня презирает и ненавидит.

– Еще не поздно: король Наваррский задержался, отпуская своих придворных, и если он еще не пришел, то сейчас явится.

– А я вам говорю, – с возрастающей досадой воскликнула Маргарита, – что он не придет!

– Сударыня, сударыня! – воскликнула Жийона, приподняв портьеру. – Король Наваррский вышел из своих покоев.

– Я знал, что он придет! – воскликнул герцог де Гиз.

– Генрих, – решительно сказала Маргарита, сжимая руку герцога, – сейчас вы увидите, верна ли я своему слову и можно ли положиться на мои обещания. Войдите в этот кабинет.

– Позвольте мне уйти, пока не поздно, а то при первой ласке короля я выскочу из кабинета – и тогда горе ему!

– Вы с ума сошли! Входите же, входите, говорят вам, я отвечаю за все!

Она вовремя втолкнула герцога в кабинет: едва он успел затворить за собой дверь, как король Наваррский, в сопровождении двух пажей, освещавших ему путь восемью желтыми восковыми свечами в двух канделябрах, с улыбкой переступил порог.

Маргарита, чтобы скрыть свое замешательство, сделала глубокий реверанс.

– Вы еще не легли, сударыня? – спросил Беарнец с веселым и простодушным выражением лица. – Уж не меня ли вы дожидались?

– Нет, – отвечала Маргарита, – ведь вы еще вчера сказали мне, что вполне понимаете: наш брак только политический союз, и вы никогда не станете принуждать меня к супружеству.

– Превосходно! Но ведь это нисколько не мешает нам поговорить! Жийона, закройте дверь и оставьте нас одних.

Маргарита уже села, но тут она встала и протянула руку к пажам, словно приказывая им остаться.

– Может быть, позвать и ваших женщин? – спросил король. – Если хотите, я это сделаю, но должен вам признаться – я хочу сказать вам нечто такое, что предпочел бы остаться с вами наедине.

С этими словами король Наваррский направился к двери.

– Нет! – воскликнула Маргарита, стремительно преграждая ему путь. – Нет, не надо, я выслушаю вас!

Беарнец знал теперь все, что ему нужно было знать; он бросил быстрый, но внимательный взгляд на кабинет, словно хотел разглядеть сквозь портьеру его беспросветную темную глубину, затем перевел глаза на бледную от страха красавицу жену.

– В таком случае поговорим, – сказал он самым спокойным тоном.

– Как будет угодно вашему величеству, – ответила молодая женщина, почти падая в кресло, на которое указал ей муж.

Беарнец сел рядом с ней.

– Что бы там ни говорили, а по-моему, наш брак – счастливый брак, – продолжал он. – Я – ваш, вы – моя.

– Но... – испуганно произнесла Маргарита.

– Следовательно, – продолжал король Наваррский, как бы не замечая ее смущения, – мы обязаны быть добрыми союзниками, – ведь сегодня мы перед Богом дали клятву быть в союзе. Не так ли?

– Разумеется.

– Я знаю, как вы прозорливы, и знаю, сколько опасных пропастей разверзается на дворцовой почве; я молод, и, хотя я никому не сделал зла, врагов у меня много. Так вот, к какому лагерю я должен отнести ту, которая носит мое имя и которая клялась мне в любви перед алтарем?

– Как вы могли подумать...

– Я ничего не думаю, я лишь надеюсь и хочу убедиться, что моя надежда имеет основания. Ведь несомненно, наш брак – или политический ход, или ловушка.

Маргарита вздрогнула, возможно, потому, что эта мысль приходила в голову и ей.

– Так на чьей же вы стороне? – спросил Генрих Наваррский. – Король меня ненавидит, герцог Анжуйский ненавидит, герцог Алансонский ненавидит, Екатерина Медичи так ненавидела мою мать, что, конечно, ненавидит и меня.

– Ах, что вы говорите?!

– Я говорю правду, – произнес король, – я не хочу, чтобы кое-кто думал, будто я заблуждаюсь относительно убийства де Муи и отравления моей матери, и поэтому я был бы не прочь, если бы здесь оказался кто-нибудь

еще, кто мог бы меня слышать.

– Вы прекрасно знаете, что здесь никого нет, кроме вас и меня, – ответила быстро Маргарита, изо всех сил стараясь держаться как можно спокойнее и веселее.

– Потому-то я и говорю так откровенно, потому-то и решаюсь вам сказать, что я не обманываюсь ни ласками царствующего дома, ни ласками лотарингского дома.

– Государь! Государь! – воскликнула Маргарита.

– В чем дело, душенька? – улыбнувшись, спросил Генрих.

– В том, что такие разговоры очень опасны.

– Нет, не опасны, коль скоро мы одни. Так я вам говорил... – продолжал король.

Для Маргариты это было пыткой; ей хотелось остановить Беарнца на каждом слове, слетавшем с его губ, но Генрих продолжал с показным добродушием:

– Я говорил, что опасность грозит мне со всех сторон: мне угрожает король, мне угрожает герцог Алансонский, мне угрожает герцог Анжуйский, мне угрожает королева-мать, мне угрожают и герцог де Гиз, и герцог Майеннский, и кардинал Лотарингский – словом, угрожают все. Такие вещи чувствуешь инстинктивно, вам это понятно. И вот от всех этих угроз, которые не замедлят обратиться в действие, я могу защититься с вашей помощью, потому что именно те люди, которые ненавидят меня, любят вас.

– Меня? – переспросила Маргарита.

– Да, вас, – с полнейшим добродушием ответил Генрих Наваррский. – Вас любит король Карл; вас любит, – подчеркнул он, – герцог Алансонский; вас любит королева Екатерина; наконец, вас любит герцог де Гиз.

– Государь... – пролепетала Маргарита.

– Ну да! Что же удивительного, что вас любят все? А те, кого я назвал, – ваши братья или родственники. Любить же своих родственников и своих братьев – значит жить в духе Божьем.

– Хорошо, но к чему вы клоните? – спросила совершенно подавленная Маргарита.

– Я уже сказал, к чему: если вы станете моим – не скажу другом, но союзником, – мне ничто не страшно: если же и вы будете моим врагом, я погиб.

– Вашим врагом? О нет, никогда! – воскликнула Маргарита.

– Но и другом – тоже никогда?

– Другом, быть может, и стану.

– А союзником?

– Несомненно!

Маргарита повернулась к королю и протянула ему руку. Генрих взял ее руку, учтиво поцеловал и удержал в своих руках не столько из нежности, сколько желая непосредственно ощущать душевные движения Маргариты.

– Хорошо, я верю вам и отныне считаю вас своим союзником, – сказал он. – Итак, нас поженили, хотя мы друг друга не знали и не любили; женили, не спрашивая тех, кого женят. Таким образом, у нас нет взаимных обязательств мужа и жены. Как видите, я иду навстречу вашему желанию и подтверждаю то, что говорил вам вчера. Но союз мы заключаем добровольно, к нему нас никто не принуждает; наш союз – это союз двух честных людей, обязанных поддерживать и не бросать друг друга; вы согласны с этим?

– Да, – отвечала Маргарита, пытаясь высвободить руку.

– Хорошо, – продолжал Беарнец, не спуская глаз с двери. – Так как лучшим доказательством честного союза является полное доверие, то сейчас я расскажу вам подробно, ничего не утаивая, план, который я составил, чтобы победить в борьбе всех врагов.

– Государь... – пролепетала Маргарита, невольно оглядываясь в свою очередь на кабинет, что вызвало скрытую улыбку у Беарнца, довольного успехом своей хитрости.

– Вот что я собираюсь сделать, – продолжал он, притворяясь, будто не замечает замешательства молодой женщины. – Я...

– Государь! – воскликнула она и, вскочив с места, схватила короля за локоть. – Дайте мне передохнуть: волнение..., жара..., я задыхаюсь!

Маргарита действительно так побледнела и так задрожала, что, казалось, вот-вот упадет на ковер.

Генрих подошел к окну в противоположной стороне комнаты и отворил его. Окно выходило на реку.

Маргарита подошла к мужу.

– Молчите! Ради самого себя, государь, молчите! – чуть слышно произнесла она.

– Сударыня, – сказал Беарнец, улыбаясь своей особенной улыбкой. – Ведь вы же сказали мне, что мы одни!

– Да, но разве вы не знаете, что можно пропустить сквозь стену или потолок слуховую трубку и услышать все?

– Хорошо, хорошо, – с чувством прошептал Беарнец. – Вы не любите меня, это правда, но правда и то, что вы честная женщина.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что будь вы способны на предательство, вы дали бы мне договорить, потому что я выдавал только себя. Вы меня остановили. Теперь я знаю, что в кабинете кто-то прячется, что вы неверная жена, но верная союзница, а теперь, – с улыбкой закончил Беарнец, – надо признаться, для меня гораздо важнее верность в политике, нежели в любви...

– Государь... – смущенно вымолвила Маргарита.

– Хорошо, хорошо, об этом поговорим после, когда узнаем друг друга лучше, – сказал Генрих и уже громко спросил:

– Ну как, теперь вам легче дышится?

– Да, государь, – тихо ответила она.

– В таком случае, – продолжал Беарнец, – я не хочу вас больше утруждать своим присутствием. Я почел своим долгом прийти, чтоб засвидетельствовать вам мое уважение и сделать первый шаг к нашей дружбе; соблаговолите принять и уважение и дружбу так же, как я их предлагаю, – от всего сердца. Спите спокойно, доброй ночи.

Маргарита посмотрела на мужа с чувством признательности, светившимся в ее глазах, и протянула ему руку.

– Согласна, – сказала она.

– На политический союз, искренний и честный? – спросил Генрих.

– Искренний и честный, – повторила королева. Беарнец пошел к дверям, бросив на Маргариту взгляд, увлекший ее, как зачарованную, вслед за мужем.

Когда портьера отделила их от спальни, Генрих Наваррский с чувством прошептал:

– Спасибо, Маргарита, спасибо! Вы истинная французская принцесса. Я ухожу спокойным. Я обделен вашей любовью, зато я не буду обделен вашей дружбой. Полагаюсь на вас, как и вы можете полагаться на меня... Прощайте!

Генрих нежно поцеловал руку жены, затем бодрым шагом направился по коридору к себе, шепотом рассуждая сам с собой:

– Что за дьявол торчит у нее? Сам король, герцог Анжуйский, герцог Алансонский, герцог де Гиз, – брат, любовник, тот и другой? По правде говоря, мне теперь почти досадно, что я попросил свидания у баронессы, но раз уж я дал слово и Дариола ждет меня., все равно. Боюсь только, что баронесса потеряет оттого, что по дороге к ней я побывал в спальне у моей

жены Марго, как называет ее мой шурин Карл Девятый, – прелестное создание.

Генрих Наваррский не очень решительно стал подниматься по лестнице, ведущей к покоям г-жи де Сов.

Маргарита провожала его глазами, пока он не исчез из виду, и только тогда вернулась в комнату. В дверях кабинета стоял герцог, и эта картина вызвала в Маргарите чувство, похожее на угрызения совести.

Суровое выражение лица и сдвинутые брови герцога говорили о горьких размышлениях.

– Сегодня Маргарита нейтральна, а через неделю Маргарита станет врагом, – произнес он.

– Значит, вы подслушивали? – спросила королева.

– А что же мне было делать в этом кабинете?

– И, по-вашему, я вела себя не так, как подобает королеве Наваррской?

– Не так, как подобает возлюбленной герцога де Гиза.

– Я могу не любить своего мужа, но никто не имеет права требовать, чтобы я предала его, – отвечала королева. – Скажите честно, разве вы способны выдать тайну вашей жены, принцессы Порсиан?

– Хорошо, хорошо, – покачав головой, сказал герцог. – Пусть будет так. Я вижу, что вы больше не любите меня так, как в те дни, когда вы рассказывали мне все, что замышляет король против меня и моих сторонников.

– Король был сильной стороной, а вы – слабой. Генрих слаб, а вы сильны. Как видите, я продолжаю играть все ту же роль.

– Но перешли из одного лагеря в другой.

– Я получила на это право, когда спасла вам жизнь.

– Хорошо! Когда любовники расходятся, они возвращают друг другу все свои дары, поэтому и я, если мне представится случай, спасу вам жизнь, и мы, будем квиты.

С этими словами герцог поклонился и вышел, а Маргарита не шевельнула пальцем, чтобы его удержать. В передней герцог нашел Жийону, которая проводила его до окна в нижнем этаже, а во рву нашел верного пажа, в сопровождении которого возвратился домой.

Маргарита, задумавшись, сидела у окна.

– Хороша брачная ночь! – прошептала королева. – Муж сбежал, любовник бросил!

В это время по ту сторону рва, по дороге от Деревянной башни к Монетному двору, шел, подбоченясь, какой-то школяр и пел:

Почему, когда на грудь

Я хочу к тебе прильнуть

Иль когда, вздыхая тяжко,

Я ищу твои уста,

Ты обычно и чиста

И сурова, как монашка!..

Для чего тебе беречь

Белизну точеных плеч,

Этот лик и это лоно?

Для того ли, чтоб отдать
Всю земную благодать
Ласкам страшного Плутона!..

Дивный блеск твоих ланит
Зев могилы поглотит;
Но когда и за могилой
Встретиться придется нам,
Знать никто не будет там,
Что была моей ты милой!

Так не мучь и не гони
И скорее протяни,
Протяни свои мне губки,
А не то – пройдут года,
Пожалеешь ты тогда,
Что не сделала уступки!

Маргарита с грустной улыбкой прислушивалась к этой песне; когда же голос школяра замер вдали, она затворила окно и позвала Жийону, чтобы с

ее помощью раздеться и лечь.

Глава 3

КОРОЛЬ-ПОЭТ

Празднества, балеты и турниры заняли все следующие дни.

Сближение двух партии продолжалось. Ласки и любезности двора могли вскружить голову даже самым ярым гугенотам. На глазах у всех старик Коттон обедал и дебоширил с бароном де Куртомером, а герцог де Гиз под музыку катался по Сене на лодке с принцем Конде.

Карл IX как будто расстался со своим обычно мрачным расположением духа и не мог жить без своего зятя Генриха Наваррского. Королева-мать стала такой жизнерадостной, так усердно занялась вышивками, драгоценностями и перьями для шляп, что даже потеряла сон;

Гугеноты, чьи суровые нравы несколько смягчились в этой новой Капуе³, стали надевать шелковые камзолы, вышивать девизы и не хуже католиков гарцевать под заветными балконами. Во всем была заметна перемена, благоприятная для реформатского исповедания; можно было подумать, что весь королевский двор вознамерился принять протестантство. Сам адмирал, при своей опытности, попался на эту удочку, рассудок его помутился до такой степени, что однажды вечером он целых два часа даже и не вспомнил о зубочистке и не ковырял ею у себя в зубах, хотя обычно предавался этому занятию с двух часов дня, когда кончал обедать, до восьми вечера, когда садился ужинать.

В тот самый день, когда адмирал проявил такую невероятную забывчивость, король Карл IX пригласил Генриха Наваррского и герцога де Гиза закусить втроем. После ужина король увел их к себе в комнату и принялся было объяснять им хитроумный механизм волчьего капкана, изобретенный им самим, как вдруг прервал себя вопросом:

— Не собирается ли господин адмирал зайти ко мне вечером? Кто его видел

днем и может сказать мне, как его дела?

– Я, – ответил король Наваррский, – и если вы, ваше величество, беспокоитесь о его здоровье, я могу вас успокоить: я видел его сегодня дважды – в шесть утра и в семь вечера.

– Ай, ай, ай, Анрио! Вы сегодня встали что-то уж слишком рано для новобрачного! – заметил король, чей дотоле рассеянный взгляд теперь с острым любопытством остановился на зяте.

– Да, государь, – ответил Беарнец, – но мне хотелось узнать у всеведущего адмирала, не едет ли сюда кое-кто из дворян, которых я жду.

– Еще дворяне! В день свадьбы их было уже восемьсот, и каждый день едут все новые! Вы что же, собираетесь захватить Париж? – со смехом спросил Карл IX.

Герцог де Гиз нахмурил брови.

– Государь, – возразил Беарнец, – поговаривают о походе во Фландрию, поэтому я и собираю из моего края и из соседних краев всех, кто, по-моему, может быть полезен вашему величеству.

Герцог де Гиз, вспомнив, что ночью Беарнец говорил Маргарите о некоем плане, стал слушать более внимательно.

– Хорошо, хорошо! – сказал король со своей хищной улыбкой. – Чем больше, тем лучше; зовите, зовите их, Генрих. Но что это за дворяне? Надеюсь, люди храбрые?

– Не знаю, государь, сравниются ли в храбрости мои дворяне с дворянами вашего величества, герцога Анжуйского или господина де Гиза, но я их знаю и уверен, что они себя покажут.

– А вы ждете еще?

– Человек десять – двенадцать.

– Как их зовут?

– Не припомню, государь, кроме одного, которого рекомендовал мне Телиньи как образцового дворянина, – его зовут де Ла Моль; не могу сказать...

– Де Ла Моль! Уж не провансалец ли это

– Лерак де Ла Моль? – заметил король, отлично знавший генеалогию французского дворянства.

– Совершенно верно, государь; как видите, я хожу за людьми даже в Прованс.

– А я, – с насмешливой улыбкой заговорил герцог де Гиз, – хожу еще дальше его величества короля Наваррского и дохожу до самого Пьемонта, чтобы собрать всех тамошних верных католиков.

– Католиков, гугенотов, – перебил король, – мне безразлично, если это люди храбрые.

Эти слова, в сущности, соединившие католиков и протестантов в единое целое, король произнес с таким беспристрастным видом, что даже герцог де Гиз был озадачен.

– Ваше величество, уж не о наших ли фламандцах идет речь? – спросил адмирал, который, пользуясь недавно дарованным ему разрешением короля являться без доклада, вошел в комнату и услышал последние его слова.

– А-а! Вот и мой отец адмирал! – воскликнул Карл IX, раскрывая объятия.

– Стоит заговорить о войне, дворянах, храбрецах – и он тут как тут, его тянет, как магнитом. Мой наваррский зять и мой кузен Гиз ждут подкреплений для вашего войска. Вот о чем шел разговор.

– Подкрепления идут, – сказал адмирал. – У вас есть свежие новости? – спросил Беарнец. – Да, сын мой, в частности о Ла Моле; вчера он был в Орлеане, а завтра или послезавтра будет в Париже.

– Черт побери! Господин адмирал просто колдун! Ему известно, что происходит за тридцать или сорок миль от него! Я очень хотел бы знать столь же достоверно, что происходит или произошло под Орлеаном.

Колиньи совершенно невозмутимо встретил этот окровавленный кинжал, который вонзил в него герцог де Гиз, явно намекавший на гибель своего отца, Франсуа де Гиза, убитого под Орлеаном Польтро де Мере, как думали, по наущению адмирала.

– Я становлюсь колдуном всякий раз, – холодно и с достоинством ответил адмирал, – когда мне нужны точные сведения обо всем, что имеет значение для дел короля или моих личных. Час тому назад прибыл из Орлеана мой курьер: он ехал на перекладных и благодаря этому проехал за один день тридцать две мили; господин де Ла Моль едет верхом на своей лошади, делая па десяти миль в день, – следовательно, он прибудет только двадцать четвертого. Вот и все колдовство.

– Bravo, отец! Хорошо сказано! – воскликнул Карл IX. – Покажите этим юношам, что не только годы, но и мудрость убелила вашу бороду и голову. Давайте отпустим их, пусть себе говорят о турнирах и любовных делах, а мы с вами побеседуем о делах военных. При хороших советниках и короли становятся хорошими, отец. Ступайте, господа, мне надо поговорить с адмиралом.

Молодые люди вышли – первым король Наваррский, за ним герцог де Гиз, но, выйдя за дверь, они холодно раскланялись, и каждый пошел в свою сторону.

Колиньи посмотрел им вслед не без тревоги: всякий раз, когда лицом к лицу встречались эти две ненависти, он опасался какой-нибудь вспышки. Карл IX, поняв мысль адмирала, подошел к нему и, взяв его под руку, сказал:

– Будьте покойны, отец; для того чтобы держать их в повиновении, существую я. Я стал настоящим королем с того дня, как моя мать перестала быть королевой, а она перестала быть королевой с того дня, как Колиньи стал мне отцом.

– Что вы, государь! – воскликнул адмирал. – Ведь королева Екатерина...

– Она интриганка! С ней никакой мир невозможен.

Эти оголтелые итальянские католики знают только одно всех резать. Я же, напротив, хочу умиротворения, даже больше – хочу поддержать

приверженцев нового исповедания. Все остальные чересчур распутны, отец, они меня позорят своими любовными похождениями и своим развратом. Если хочешь, скажу тебе откровенно, – продолжал Карл IX поток своих излияний, – я не доверяю ни одному человеку из моего окружения, за исключением новых моих друзей. Честолюбие Таванна мне очень подозрительно;

Вьейвиль любит только хорошее вино и способен продать своего короля за бочку мальвазии; Монморанси знать ничего не знает, кроме охоты, и все время проводит в обществе своих собак и соколов; граф де Рец – испанец, Гизы – лотарингцы. Да простит меня Бог, но мне кажется, что во всей Франции есть только три честных француза – я, мой наваррский зять да ты. Но я прикован к трону и не могу командовать войском; самое большее, что мне позволено, – это поохотиться в Сен-Жермене и в Рамбулье. Мой наваррский зять слишком молод и неопытен. К тому же его отца, короля Антуана, всегда губили женщины, и мне сдается, что Генрих унаследовал от него эту слабость. Нет никого, кроме тебя, отец, – ты смел, как Цезарь, и мудр, как Платон. По правде говоря, я не знаю, как быть: оставить тебя моим советником или отправить на войну главнокомандующим. Если ты будешь моим советником – кто будет командовать? Если командовать будешь ты – кто будет моим советником?

– Государь! Сначала надо победить, а после победы, будет и совет, – отвечал Колиньи.

– Ты так думаешь, отец? Что ж, хорошо – будь по-твоему. В понедельник ты отправишься во Фландрию, а я поеду в Амбуаз.

– Ваше величество, вы уезжаете из Парижа?

– Да... Я устал от этого шума, от всех этих торжеств. Я не деятель, я мечтатель. Я родился не королем, а поэтом. Ты созовешь нечто вроде совета, который и будет править, пока ты будешь на войне, а раз в него не войдет моя мать, все пойдет хорошо. А я уже дал знать Ронсару, чтобы он приехал ко мне в Амбуаз, и там вдвоем, вдали от шума, от скверных людей, в тени бескрайних лесов, на берегу реки, под журчание ручейков, мы будем беседовать о Боге и о Его делах – это единственное спасение от дел человеческих. Вот, послушай мои стихи – приглашение Ронсару в Амбуаз; я сочинил их утром.

Колиньи улыбнулся. Карл IX провел рукой по лбу, желтоватому и гладкому, как слоновая кость, и начал нараспев декламировать свои стихи:

**Ронсар, когда с тобой в разлуке мы живем,
Ты забываешь вдруг о короле своем,
Но я и вдалеке ценю твой дивный гений,
И продолжаю брать уроки песнопений,
И снова шлю тебе ряд опытов своих,
Чтоб вызвать на ответ твой прихотливый стих.**

**Подумай, не пора ль закончить летний отдых?
Уместно ли весь век копать в огородах?
Нет, должен ты спешить на королевский зов
Во имя радостных, ликующих стихов!..
Когда не наведишь меня ты в Амбуазе,
Я не прощу тебе такое безобразие!..**

– Bravo, государь, bravo! – сказал Колиньи. – Правда, в военном деле я смыслю больше, чем в поэзии, но мне кажется, эти стихи не уступят лучшим стихам Ронсара, Дора и самого канцлера Франции – Мишеля де л'Опиталья.

– Ах, если бы ты был прав, отец! – воскликнул Карл IX. – Титул поэта прельщает меня больше всего на свете, и, как я говорил недавно моему учителю поэзии:

**Искусство дивное поэмы составлять,
Пожалуй, потрудней искусства управлять.
Поэтам и царям Господь венки вручает,
Но царь их носит сам, поэт – других венчает.
Твой дух и без меня величьем осиян,
А мне величие дает мой гордый сан.**

**Мы ищем, я и ты к богам путей открытых,
Но я подобье их, Ронсар, ты фаворит их!
Ведь лира власть тебе над душами дала.
А мне – увы и ах! – подвластны лишь тела!
Власть эта такова, что в древности едва ли
Тираны лютые подобной обладали...**

– Государь, – сказал Колиньи, – мне хорошо известно, что вы, ваше величество, беседуете с музами, но я не знал, что они стали вашими главными советниками.

– Главный ты, отец, главный ты! Я и хочу тебя поставить во главе управления государством, чтобы мне не мешали свободно беседовать с музами. Слушай: я хочу сей же час ответить нашему великому и дорогому поэту на его новый мадригал, который он прислал мне... Да сейчас я и не могу отдать тебе все документы, которые необходимы, чтобы ты мог уяснить себе основное расхождение между Филиппом Вторым и мной. Кроме того, мои министры Дали мне что-то вроде плана кампании. Все это я разыщу и отдам тебе завтра утром.

– В котором часу, государь?

– В десять, а если я буду писать стихи и запрусь У себя в кабинете..., все равно входи прямо сюда, и ты найдешь здесь, на столе, все документы – в этом красном портфеле; забирай их вместе с портфелем, цвет его настолько бросается в глаза, что ты не ошибешься. А сейчас я иду писать Ронсару.

– Прощайте, государь!

– Прощай, отец!

– Разрешите вашу руку, государь.

– Какая там рука? Мои объятия, моя грудь – вот твое место! Приди, приди ко мне, старый воин!

И Карл IX привлек к себе склоненную голову адмирала и прикоснулся губами к его седым волосам.

Адмирал вышел, утирая набежавшую слезу.

Карл IX следил за ним, пока мог его видеть, затем прислушивался к его шагам, пока они были слышны; когда же адмирал исчез и шаги его затихли, король привычным движением склонил голову набок и медленно проследовал в Оружейную палату.

Оружейная палата была любимым местопребыванием Карла; здесь брал он уроки фехтования у Помпея и уроки стихосложения у Ронсара. Здесь было его собрание лучших образцов наступательного и оборонительного оружия. Все стены были увешаны боевыми топорами, щитами, копьями, алебардами, пистолетами и мушкетами; как раз сегодня один знаменитый

оружейник принес ему превосходную аркебузу, на стволе которой было инкрустировано серебром четверостишие, сочиненное самим королем-поэтом:

В боях за честь, за Божье слово

Я непреклонна и сурова,

В того, кто недруг королю,

Я пулю меткую пошлю!

Карл IX вошел, как мы уже сказали, в палату, запер за собой дверь и приподнял стенной ковер, скрывавший узкий коридор, ведущий в комнату, где молилась женщина, стоя на коленях на низенькой скамеечке Для коленопреклонений.

Ковер скрадывал звук шагов, и король, медленно ступая, вошел, как призрак, так тихо, что коленопреклоненная женщина ничего не услышала и, не оглядываясь, продолжала молиться. Карл остановился на пороге, задумчиво глядя на нее.

Женщине было на вид лет тридцать пять, ее здоровую красоту оттенял костюм крестьянок из округа Ко. На ней была шапочка, вошедшая в моду при французском дворе во времена королевы Изабеллы Баварской, и расшит золотом красный корсаж – такие корсажи и теперь его носят деревенские жительницы Соры и Неттуно. Комната, где она жила без малого двадцать лет, была смежной со спальней короля и представляла собой оригинальное сочетание изысканности с простотой. Здесь почти в равной мере дворец как будто растворялся в хижине, а хижина – во дворце; таким образом, комната представляла собой нечто среднее между простой хижинкой крестьянки и роскошными хоромы знатной дамы. Так, дубовая скамеечка на которой коленопреклоненно молилась женщина, была украшена чудесною резьбой и обита бархатом с золотою бахромой, а

Библия, по которой она молилась, будучи протестанткой, была растрепанная и старая – такие бывают только в самых бедных семьях.

Все остальные предметы походили одни на Библию, другие – на скамеечку.

– Мадлон! – окликнул женщину король.

Коленопреклоненная женщина с улыбкой обернулась на знакомый голос и поднялась со скамеечки.

– А-а, это ты, сынок? – спросила она.

– Да, кормилица. Пойдем ко мне.

Карл IX опустил портьеру, прошел в Оружейную и сел на ручку кресла. Вслед за ним вошла кормилица.

– Что тебе, Шарло? – спросила она.

– Подойди ко мне и говори шепотом. Кормилица держалась с ним запросто, и простота эта возникала, вероятно, из той материнской нежности, которую питает к ребенку женщина, вскормившая его своей грудью, однако, памфлеты того времени находили источник других, отнюдь не столь чистых отношениях.

– Ну вот я, говори, – сказала кормилица.

– Здесь тот человек, которого я вызвал?

– Ждет уже с полчаса.

Карл встал, подошел к окну, посмотрел, не подглядывает ли кто-нибудь, подошел к двери и убедился, что никто не подслушивает, смахнул пыль с висевшего на стене оружия, приласкал большую борзую собаку, которая ходила за ним по пятам, останавливаясь, когда останавливался он, и следуя за своим хозяином, когда он снова начинал ходьбу; наконец король подошел к кормилице.

– Хорошо, кормилица,пусти его.

Добрая женщина вышла тем же ходом, каким вошел ж ней король, а король присел на край стола, на котором было разложено оружие различных видов. В ту же минуту портьера снова поднялась, пропуская того, кого ждал Карл.

Это был человек лет сорока, с лживыми серыми глазами, с крючковатым, как у совы, носом и с выпиравшими скулами; лицо его пыталось выразить почтение, но вместо этого белые от страха губы скривились в лицемерную улыбку.

Карл незаметно заложил руку за спину и нащупал на столе прилив ствола пистолета новой системы, где выстрел производил не фитиль, а трение камешка о стальное колесико; при этом он не спускал своих тусклых глаз с нового актера этой сцены, верно и необыкновенно мелодично насвистывая свою любимую охотничью песенку.

Так прошло несколько секунд, в течение которых незнакомец все сильнее менялся в лице.

– Это вы Франсуа де Лувье-Морвель? – спросил король.

– Да, государь.

– Командир роты петардщиков?

– Да, государь.

– Вы мне нужны. Морвель поклонился.

– Вам известно, – подчеркивая каждое слово, сказал Карл IX, – что всех моих подданных я люблю одинаково.

– Я знаю, что ваше величество – отец народа, – пролепетал Морвель.

– И что гугеноты такие же мои дети, как и католики. Морвель молчал, но, хотя он стоял в полутемной части комнаты, проницательный глаз короля заметил, что он дрожит всем телом.

– Вам это не по вкусу? – продолжал король. – Ведь вы упорно воевали с гугенотами? Морвель упал на колени.

– Государь, – пролепетал он, – поверьте, что...

– Я верю, – продолжал король, пронизывая Морвеля глазами, превратившимися из стеклянных в горящие, – что в сражении при Монконтуре вам очень хотелось убить адмирала, который только что вышел из этой комнаты; я верю, что вы промахнулись и перешли к нашему брату, герцогу Анжуйскому; наконец, верю и тому, что вы еще раз перебежали в армию принцев, где и поступили в роту де Муи де Сан-Фаля...

– Государь!..

– ..храброго пикардийского дворянина...

– Государь, государь! Не мучьте меня! – воскликнул Морвель.

– Это был прекрасный офицер, – продолжал Карл IX, и по мере того, как он говорил, выражение почти хищной жестокости проступало на его лице, – он принял вас, как сына, приютил, одел, кормил.

Морвель испустил вздох отчаяния.

– Вы называли его отцом, – безжалостно продолжал Карл, – и, если не ошибаюсь, вы были близкими друзьями с юным де Муи, его сыном?

Морвель, стоя на коленях, все ниже склонялся под тяжестью этих слов, а Карл стоял бесчувственный, как статуя, у которой были живыми только губы.

– Кстати, – продолжал король, – не вам ли герцог де Гиз обещал десять тысяч экю, если убьете адмирала? Убийца в ужасе коснулся лбом пола.

– И вот как-то раз вы с де Муи, вашим добрым отцом.., отправились в разведку по направлению к Шевре. Он уронил хлыст и спешил, чтобы поднять его. Вы были с ним наедине, вы выхватили из седельной кобуры пистолет, и когда де Муи нагнулся, вы перебили ему хребет пулей; он был убит наповал, а вы, убедившись, что он мертв, удрали на лошади, которую он же вам и подарил.

Морвель молчал, сраженный этим обвинением, верным во всех

подробностях, а Карл IX принялся опять насвистывать столь же верно, столь же мелодично все ту же охотничью песню.

– Знаете, господин убийца, – помолчав, сказал он, – мне очень хочется вас повесить.

– Ваше величество! – возопил Морвель.

– Молодой де Муи еще вчера умолял меня об этом, по правде говоря, я даже не знал, что ему ответить: ведь просьба его вполне законна.

Морвель с мольбой сложил руки.

– Она тем более законна, что, как вы сами сказали, я отец народа, и что, как я вам ответил, теперь я примирился с гугенотами и они точно такие же мои дети, как и католики.

– Государь, – произнес окончательно упавший духом Морвель, – моя жизнь в ваших руках, поступайте со мной, как вам будет угодно.

– Вы правы! И я не дал бы за нее ни гроша.

– Государь, неужели нельзя искупить мою вину? – взмолился убийца.

– Не знаю. Во всяком случае, будь я на вашем месте, чего, слава Богу, нет...

– Государь, а что если бы вы были на моем месте?.. – пролепетал Морвель, впиваясь глазами в губы короля.

– Думаю, что я сумел бы выйти из положения, – ответил Карл.

Морвель оперся рукою о пол и приподнялся на одно колено, пристально глядя на Карла, желая убедиться, что король не смеется над ним.

– Я, конечно, очень люблю молодого де Муи, – продолжал король, – но я так же люблю и моего кузена Гиза, и если бы он попросил меня кого-то помиловать, а де Муи попросил бы того же человека казнить, я, признаться, попал бы в крайне затруднительное положение. Однако по разным политическим и религиозным соображениям я должен был бы исполнить желание моего кузена Гиза, ибо хотя де Муи и очень храбрый офицер, а

все-таки до герцога Лотарингского ему далеко.

Морвель, слушая короля, поднимался и словно возвращался к жизни.

– Итак, в вашем отчаянном положении вам совершенно необходимо попасть в милость к моему кузену Гизу; кстати, я припоминаю то, что он сказал мне вчера.

Морвель сделал шаг вперед.

– «Представьте себе, государь, – сказал мне Гиз, – что каждый день в десять часов утра по улице Сен-Жермен-Л'Осеруа возвращается из Лувра мой заклятый враг, и я смотрю на него из дома моего бывшего наставника, каноника Пьера Пиля, в зарешеченное окно на нижнем этаже. Каждый день я вижу, как идет мой враг, и каждый день я умоляю дьявола разверзнуть под ним землю». Не кажется ли вам, Морвель, – продолжал Карл IX – что если бы вы оказались дьяволом или, по крайней мере, заменили его хоть на минуту, то, быть может, вы порадовали бы моего кузена Гиза?

На губах Морвеля, еще белых от испуга, появилась демоническая усмешка, и они выговорили:

– Да, государь, но не в моей власти разверзнуть землю.

– Однако, если память мне не изменяет, вы разверзли ее для доброго де Муи. На это вы мне ответите: разверз, но с помощью пистоleta... Он у вас не сохранился?

– Простите, государь, но из аркебузы я стреляю лучше, чем из пистоleta, – ответил разбойник, почти оправившись от страха.

– Э, какая разница! – сказал Карл. – Я уверен, что мой кузен Гиз не станет придирается к таким мелочам.

– Но мне нужно очень надежное, меткое оружие, – быть может, придется стрелять издалека.

– В этой комнате десять аркебуз, – сказал Карл IX, – и я из каждой попадаю в золотой экю за сто пятьдесят шагов. Хотите, попробуйте любую.

– Государь! С великим удовольствием! – воскликнул Морвель, направляясь к той, что принесли утром и поставили в угол.

– Нет, только не эту, – возразил король, – ее я оставляю для себя. На днях будет большая охота, и там, я надеюсь, она мне послужит. Но любую другую можете взять.

Морвель снял со стены одну из аркебуз.

– А теперь, государь, скажите, кто этот враг? – спросил убийца.

– Почему я знаю? – сказал Карл, уничтожая мерзавца презрительным взглядом.

– Хорошо, я спрошу герцога де Гиза, – пролепетал Морвель.

Король пожал плечами.

– Нечего спрашивать – герцог де Гиз вам не ответит. Разве на такие вопросы отвечают? Кто хочет избежать виселицы, тем надо иметь смекалку.

– Но как я его узнаю?

– Я же сказал вам, что он ежедневно проходит под окном каноника!

– Но под этим окном проходит много народу. Может быть, вы, ваше величество, соблаговолите указать мне хоть какую-нибудь примету?

– Что ж, это проще простого. Например, завтра он понесет под мышкой красный сафьяновый портфель.

– Этого достаточно, государь.

– У вас все та же лошадь, которую вам подарил де Муи, и скачет она по-прежнему?

– Государь, у меня самый быстроногий берберский конь.

– О, я несколько не беспокоюсь за вас! Но вам полезно знать, что в монастыре есть задняя калитка.

– Благодарю вас, государь! Помолитесь за меня Богу.

– Что?! Тысяча чертей! Лучше сами помолитесь дьяволу – только с его помощью вы избежите петли!

– Прощайте, государь!

– Прощайте. Да, вот еще что, господин де Морвель: если завтра до десяти часов утра будет какой-нибудь разговор о вас или если после десяти не будут говорить о вас, то не забудьте, что в Лувре есть «каменный мешок».

И Карл IX опять принялся спокойно и мелодично насвистывать мотив своей любимой песенки.

Глава 4

ВЕЧЕР 24 АВГУСТА 1572 ГОДА

Читатель, уж верно, помнит, что в предшествующей главе упоминался некий дворянин по имени Ла Моль, которого с нетерпением поджидал Генрих Наваррский. Как и предсказывал адмирал, этот молодой человек приехал в Париж вечером 24 августа 1572 года; въехав через городские ворота Сен-Марсель и, довольно презрительно посматривая на живописные вывески гостиниц, в большом количестве стоявших и с правой и с левой стороны, он направил взмыленную лошадь к центру города, проехал площадь Мобер, Малый мост, мост собора Богоматери, затем по набережной и, наконец, остановился в начале улицы Бресек, впоследствии переименованной нами в улицу Арбр-сек – это новое название мы и сохраним ради удобства нашего читателя.

Название Арбр-сек⁴, видимо, понравилось Ла Молю, и он поехал по этой улице; на левой стороне его внимание привлекла великолепная жестяная вывеска, которая со скрипом покачивалась на кронштейне и позванивала колокольчиками; Ла Моль опять остановился и прочитал название: «Путеводная звезда» – то была подпись под картиной, наиболее заманчивой для проголодавшегося путешественника: в темном небе жарится на огне цыпленок, а человек в красном плаще взывает к этой новоявленной звезде, воздевая к ней и руки, и кошелек.

«У этой гостиницы отличная вывеска, – подумал дворянин, – а ее хозяин, наверно, малый не промах; к тому же я слышал, что улица Арбр-сек находится в Луврском квартале, и если только заведение соответствует вывеске, я устроюсь здесь как нельзя лучше».

Пока новоприбывший мысленно произносил этот монолог, с другого конца улицы, то есть от улицы Сент-Оноре, подъехал другой всадник и тоже остановился, восхищенный вывеской «Путеводной звезды».

Всадник, уже знакомый нам хотя бы по имени, сидел на белой испанской лошади и носил черный камзол с черными агатовыми пуговицами. На нем был темно-лиловый бархатный плащ, черные кожаные сапоги, шпага с чеканным стальным эфесом и парный к ней кинжал. Описав его костюм, перейдем к описанию его наружности: это был молодой человек лет двадцати четырех – двадцати пяти, загорелый, с голубыми глазами, тонкими усиками, с ослепительно белыми зубами, которые, казалось, озаряли его лицо, когда он улыбался своей ласковой, грустной улыбкой, и, наконец, с безупречно очерченным, на редкость красивым ртом.

Второй путешественник являл собой полную противоположность первому. Из-под шляпы с загнутыми вверх полями выбивались густые вьющиеся светло-рыжие волосы и глядели серые глаза, сверкавшие при малейшем неудовольствии таким ослепительным огнем, что начинали казаться черными.

У него был розоватый оттенок белой кожи, тонкие губы, рыжие усы и великолепные зубы. Высокий, плечистый, он представлял собой довольно распространенный тип красавца, и пока он ездил по Парижу, оглядывая все окна под тем предлогом, что ищет вывеску, женщины засматривались на него; что же касается мужчин, то они, возможно были бы не прочь высмеять и чересчур узкий плащ, и облегающие штаны, и допотопного фасона сапоги, но смех переходил в любезное пожелание «Да хранит вас Бог!», как только они замечали, что лицо незнакомца способно в одну минуту принять самые разные выражения, кроме одного – выражения доброжелательности, свойственного смущенному провинциалу.

Он первый и начал разговор, обратившись к другому дворянину, который, как мы заметили, разглядывал гостиницу «Путеводная звезда»:

– Черт побери! Скажите, сударь, – произнес он с ужасным горским выговором, по которому сразу узнаешь уроженца Пьемонта среди сотни других приезжих, – далеко отсюда до Лувра? Во всяком случае, наши вкусы как будто сходятся, и это очень лестно для моей особы.

– Сударь, – отвечал другой дворянин с провансальским выговором, таким же характерным в своем роде, как и пьемонтский акцент первого собеседника в своем, – мне кажется, что эта гостиница действительно недалеко от Лувра. Тем не менее я еще не вполне уверен, буду ли я иметь

удовольствие присоединиться к вам. Я пока раздумываю.

– Так вы еще не решили? А вид у гостиницы заманчивой! Но, может быть, я соблазнился тем, что увидел здесь вас. Все-таки согласитесь, что вывеска хороша.

– Так-то оно так, но она-то и возбуждает мои сомнения относительно самой гостиницы. Меня предупреждали, что в Париже уйма плутов и что здесь так же ловко обманывают вывесками, как и другими способами.

– Черт побери! Плутство меня не пугает, – объявил пьемонтец. – Если хозяин подаст мне курицу, изжаренную хуже, чем та, что на вывеске, я его самого посажу на вертел и буду вертеть, пока он не прожарится. Итак, сударь, войдемте.

– Вы меня убедили, – со смехом ответил провансалец. – Прошу вас, сударь, входите первым.

– Нет, сударь, клянусь душой, я этого не допущу, – я всего-навсего ваш покорный слуга, граф Аннибал де Коконнас.

– Граф Жозеф-Иасинт-Бонифас Лерак де Ла Моль к вашим услугам.

– В таком случае возьмемтесь за руки и войдем вместе.

Во исполнение этого примирительного предложения оба молодых человека спешили, отдали поводья конюху, поправили шпаги и, взявшись за руки, пошли к двери гостиницы, на пороге которой стоял хозяин. Но, вопреки обыкновению людей этой категории, почтенный домовладелец, как видно, не обратил на них ни малейшего внимания: он был занят разговором с желтым сухопарым верзилой, покрытым широким плащом цвета древесного гриба, как сова – перьями.

Дворяне подошли к хозяину гостиницы и его собеседнику в плаще цвета древесного гриба так близко, что Коконнас, уязвленный их невнимательностью к себе и своему спутнику, дернул хозяина за рукав. Хозяин сразу очнулся и отпустил своего собеседника.

– До свидания! – сказал он ему. – Приходите поскорее и непременно расскажите мне обо всем, что происходит.

– Эй, негодяй, – сказал Коконнас, – ты что же, не видишь, что к тебе пришли по делу?

– Ах, простите, господа, – ответил хозяин, – я вас не заметил.

– Черт побери! Надо замечать! А теперь, когда ты нас заметил, будь любезен обращаться к нам не просто «сударь», а «граф».

Ла Моль стоял сзади, предоставив вести переговоры Коконнасу, благо тот все взял на себя.

Однако по нахмуренным бровям Ла Моля было ясно, что он в любую минуту готов прийти на помощь Коконнасу, когда наступит время действовать.

– Ладно! Так что же вам угодно, граф? – совершенно спокойно спросил хозяин.

– Вот-вот... Так-то лучше, не правда ли? – спросил Коконнас, оборачиваясь к Ла Молю, который утвердительно кивнул головой. – Нам с графом угодно получить ужин и ночлег в вашей гостинице, вывеской коей мы соблазнились.

– Господа, я в отчаянии, – ответил хозяин, – у меня свободна только одна комната, и я боюсь, что это вам не подойдет.

– Ну что ж, – сказал Ла Моль, – мы остановимся в другой гостинице.

– Нет, нет, – возразил Коконнас, – я останусь здесь; моя лошадь измучена. Раз вы отказываетесь, я беру комнату один.

– А-а, это меняет дело, – с тем же наглым равнодушием ответил хозяин. – Если вы один, так я вас вовсе не пущу.

– Черт побери! Вот забавная скотина! Только что сказал, что двое – слишком много, а теперь оказывается, что один – слишком мало! Так ты не хочешь принять нас, негодяй?

– Что ж, господа, раз уж вы заговорили таким тоном, я отвечу вам откровенно.

– Отвечай, да поскорей.

– Ладно! Я уж лучше откажусь от чести принять вас в моей гостинице.

– Почему?... – спросил Коконнас, бледнея от гнева.

– Да потому, что у вас нет лакеев, значит, господская комната будет занята, а две лакейские будут пустовать. Ежели я отдам вам господскую комнату, стало быть, есть риск, что не сдам другие.

– Господин де Ла Моль, – сказал Коконнас, оборачиваясь, – как вы думаете: не отколотить ли нам этого прохвоста?

– Согласен, – ответил Ла Моль, готовясь вместе со своим спутником отхлестать хозяина плетью.

Но, несмотря на готовность обоих, видимо, очень решительных дворян перейти от слов к делу, что не предвещало трактирщику ничего хорошего, он нимало не испугался и только отступил на шаг от двери.

– Сейчас видно, что вы из провинции, господа, – насмешливо сказал он. – В Париже прошла мода бить трактирщиков, которые не желают сдавать комнат. Теперь бьют вельмож, а не горожан, а ежели вы будете на меня орать, я кликну соседей, и тогда уж исколотят вас, а это отнюдь не почетно для дворян.

– Черт побери! Да он издевается над нами! – вне себя от гнева вскричал Коконнас.

– Грегуар, подай мне аркебузу! – приказал хозяин своему слуге таким тоном, каким сказал бы: «Подай господам стул!».

– Клянусь кишками папы! – зарычал Коконнас, обнажая шпагу. – Да разгорячитесь же, господин де Ла Моль!

– Не надо! Право не стоит: пока мы будем горячиться, остынет ужин.

– Вы так думаете? – воскликнул Коконнас.

– Я думаю, что хозяин «Путеводной звезды» прав, но он не умеет

принимать гостей, особенно дворян. Вместо того чтобы грубо говорить нам: «Господа, вы мне не нужны», лучше было бы сказать нам вежливо: «Пожалуйста, господа», а в счете поставить: за господскую комнату – столько-то, за лакейскую – столько-то, приняв в соображение, что, если у нас сейчас нет лакеев, мы их найдем.

С этими словами Ла Моль мягко отстранил хозяина, Уже протянувшего руку к аркебузе, пропустил в дом Коконнаса и следом за ним вошел сам.

– Ну хорошо, – сказал Коконнас, – но все-таки очень досадно вкладывать шпагу в ножны, не убедившись, что она колет не хуже, чем вертела у этого малого.

– Потерпите, дорогой спутник, – ответил Ла Моль. – Теперь все гостиницы переполнены дворянами, съехавшимися в Париж кто на брачные торжества, кто на предстоящую войну во Фландрии, поэтому другой квартиры нам не найти; а кроме того, возможно, что в Париже принято так встречать приезжих.

– Черт побери! Ну и терпение у вас! – пробурчал пьемонтец, яростно закручивая рыжий ус и сверкая глазами. – Но берегись, мошенник! Если у тебя готовят скверно, постели жестки, вино выдержано в бутылках меньше трех лет, а слуга менее гибок, чем тростник...

– Те-те-те, дорогой дворянин, можете не сомневаться, что вы будете здесь, как у Христа за пазухой, – прервал его хозяин, оттачивая на оселке кухонный нож, и пробормотал, качая головой:

– Это гугенот; все отступники совершенно обнаглели после свадьбы своего Беарнца с мадмуазель Марго!

Помолчав, он добавил с такой усмешкой, что оба постояльца наверно вздрогнули бы, если бы видели ее:

– Ну, ну! Забавно, что мне попались гугеноты..., и что как раз...

– Эй! Будем мы ужинать наконец? – прикрикнул Коконнас, прерывая рассуждения хозяина с самим собой.

– Как вам будет угодно, сударь, – ответил хозяин, сразу смягчившись,

вероятно, под влиянием какой-то мысли, пришедшей ему в голову.

– Нам угодно поужинать, да поскорее, – ответил Коконнас и, повернувшись к Ла Молю, сказал:

– Вот что, граф: пока нам готовят комнату, скажите: как, по-вашему: Париж – веселый город?

– По правде говоря – нет, – ответил Ла Моль. – У меня сложилось такое впечатление, что у всех встречных или встревоженные, или отталкивающие лица. Может быть, это оттого, что парижане боятся грозы. Видите, какое мрачное небо? Чувствуете, какая тяжесть в воздухе?

– Скажите, граф, вы ведь стремитесь попасть в Лувр?

– Да, и, мне кажется, вы тоже, господин де Коконнас?

– Ну что ж?! Давайте устремимся вместе.

– Гм! Пожалуй, поздновато выходить на улицу.

– Поздно или не поздно, а выйти придется. Мне даны точные приказания: как можно скорее доехать до Парижа и тотчас по прибытии снестись с герцогом де Гизом.

При имени герцога де Гиза хозяин насторожился и подошел поближе.

– Мне кажется, что этот бездельник подслушивает.

– Да! – сказал Коконнас, который, как все пьемонтцы, был злопамятен и не мог простить хозяину «Путеводной звезды» не слишком почтительный прием.

– Да, я прислушиваюсь, господа, – ответил трактирщик, прикасаясь рукою к своему колпаку, – но только чтобы услужить вам. Я услышал имя герцога де Гиза и тотчас подошел. Чем могу быть вам полезен, господа?

– Ха, ха, ха! Как видно, это имя обладает волшебной силой, судя по тому, что из наглеца ты превратился в подхалима. Дьявольщина!.. Как тебя зовут?

– Ла Юрьер, – с поклоном ответил хозяин.

– Отлично; стало быть, Ла Юрьер, у герцога де Гиза такая тяжелая рука, что может сделать вежливым даже тебя! Уж не думаешь ли ты, что моя легче?

– Не легче, граф, а короче, – возразил хозяин. – А кроме того, – добавил он, – должен вам сказать, что великий Генрих – кумир парижан.

– Какой Генрих? – спросил Ла Моль.

– По-моему, есть только один, – ответил трактирщик.

– Прости, любезный, есть и другой, и я советую не говорить о нем плохо, – это Генрих Наваррский. А кроме него, есть еще Генрих Конде, человек тоже весьма достойный.

– Этих я не знаю, – сказал хозяин.

– Зато их знаю я, – сказал Ла Моль, – а так как я послан к королю Генриху Наваррскому, то и советую не отзываться о нем плохо в моем присутствии.

Хозяин молча прикоснулся к своему колпаку и продолжал нежно поглядывать на Коконнаса.

– Стало быть, сударь, вы будете разговаривать с великим герцогом де Гизом? Какой вы счастливец, сударь: вы приехали, конечно, ради...

– Ради чего? – спросил Коконнас.

– Ради праздника, – ответил хозяин с особенной усмешкой.

– Вернее – ради праздников, – ведь Париж, как я слышал, захлебывается во всяких празднествах; только и разговору, что о пирах, балах и каруселях. В Париже много веселятся, а?

– Не так уж много, сударь, по крайней мере, до сегодняшнего дня, – ответил хозяин. – Но я надеюсь, что скоро мы повеселимся.

– Однако на свадьбу его величества короля Наваррского в Париж съехалось

много народа, – заметил Ла Моль.

– Много гугенотов, это верно, сударь, – резко ответил Ла Юрьер, но, спохватившись, добавил:

– Ах, простите, может быть, господа – тоже протестанты?

– Это я-то протестант? – воскликнул Коконнас. – Еще чего! Я такой же католик, как его святейшество.

Ла Юрьер повернулся в сторону Ла Моля, как бы спрашивая и его, но Ла Моль то ли не понял его взгляда, то ли счел нужным ответить на этот немой вопрос вопросом же:

– Если вы, Ла Юрьер, не знаете его величества короля Наваррского, то, быть может, знаете господина адмирала? Я слышал, что господин адмирал пользуется благоволением двора, а так как я ему рекомендован, то я и хотел бы знать, где он живет, если только его адрес не застрянет у вас в горле.

– Он жил на улице Бетизи, направо отсюда, – ответил хозяин с тайной радостью, невольно отразившейся на его лице.

– То есть как – жил? – спросил Ла Моль. – Значит, он переехал?

– Похоже, что он переехал на тот свет.

– Как – «переехал на тот свет»? – воскликнули оба дворянина.

– Как, господин де Коконнас? – продолжал хозяин с хитрой усмешкой. – Вы сторонник Гиза, и не знаете?

– Чего?

– Да того, что третьего дня, когда адмирал шел по площади Сен-Жермен-Л'Осеруа мимо дома каноника Пьера Пиля, в него выстрелили из аркебузы.

– И он убит? – спросил Ла Моль.

– Нет, ему только перебило руку и оторвало два пальца, но есть надежда, что пули были отравлены.

– Как «есть надежда», негодяй? – воскликнул Ла Моль.

– Я хотел сказать – ходят слухи; не будем ссориться из-за слов; я просто оговорился.

Ла Юрьер, повернувшись спиной к Ла Молю, многозначительно подмигнул Коконнасу и явно издевательски высунул язык.

– Это правда? – радостно спросил Коконнас.

– Правда? – тихо спросил Ла Моль, убитый горестным известием.

– Точно так, как я имел честь доложить вам, – ответил хозяин.

– В таком случае я немедленно отправляюсь в Лувр. Найду я там короля Генриха?

– Вероятно: он там живет.

– Я тоже пойду в Лувр, – объявил Коконнас. – А найду я там герцога де Гиза?

– Возможно: он только что туда проехал, а с ним две сотни дворян.

– Ну что ж, идемте, господин де Коконнас, – сказал Ла Моль.

– Следую за вами, – ответил Коконнас.

– А ваш ужин, господа дворяне? – спросил мэтр Ла Юрьер.

– Ах да! – спохватился Ла Моль. – Впрочем, я, может быть, поужинаю у короля Наваррского.

– А я – у герцога де Гиза, – сказал Коконнас.

– А я, – сказал хозяин, проводив глазами дворян, зашагавших по дороге к Лувру, – почищу шлем, вставлю новый фитиль в аркебузу и наточу протазан. Мало ли что может случиться!

Глава 5

В ЧАСТНОСТИ – О ЛУВРЕ, А ВООБЩЕ -О ДОБРОДЕТЕЛИ

Дворяне спросили дорогу у первого встречного и зашагали сперва по улице Аверон, потом по улице Сен-Жер-мен-Л'Осеруа и подошли к Лувру в ту пору, когда силуэты его башен уже начинали расплываться в сумерках.

– Что с вами? – спросил Коконнас, когда Ла Моль остановился перед старинным замком, со священным трепетом разглядывая представшие его взору подъемные мосты, узкие окна и островерхие башенки.

– Право, и сам не знаю: у меня вдруг забилося сердце, – ответил Ла Моль. – Я ведь не так уж робок, но почему-то этот дворец представляется мне мрачным и, по правде говоря, страшным.

– А я, – сказал Коконнас, – не знаю отчего, на редкость весел. Вот только костюм у меня подгулял, – заметил он, оглядывая свое дорожное платье. – Да это пустяки! Зато вид бравый. Да и приказ предписывает мне быстроту исполнения. А раз я выполняю его точно, значит, буду принят хорошо.

И оба молодых человека пошли дальше, настроенные по-разному, каждый соответственно тому чувству, о котором он говорил.

Лувр охранялся строго, и, видимо, количество постов удвоили. Сначала это обстоятельство смутило путешественников. Но Коконнас, уже заметивший, что имя герцога де Гиза действует на парижан магически, подошел к одному из часовых и, упомянув это всемогущее имя, спросил, не может ли оно дать ему свободный проход в Лувр.

Это-имя, казалось, произвело обычное действие, однако часовой спросил у Коконнаса, знает ли он пароль.

Пьемонтец вынужден был сказать, что не знает.

– Тогда ступайте прочь, дорогой дворянин, – ответил часовой.

В эту минуту какой-то человек, беседовавший с офицером охраны, но слышавший просьбу Коконнаса, прервал разговор и подошел к Коконнасу.

– Што фам укотно от херцог де Гиз? – спросил он.

– Мне угодно поговорить с ним, – с улыбкой ответил Коконнас.

– Невосможно! Херцог у короля.

– Но я получил письменное приглашение в Париж.

– А-а! У фас есть письменный приклашений?

– Да, и я приехал издалека.

– А-а! Фы приехали исталека?

– Я из Пьемонта.

– Карошо, карошо! Это тругой тело. А фаш имя?

– Граф Аннибал де Коконнас.

– Карошо, карошо! Тайте фаш письм.

«Честное слово, прелюбезный человек! – сказал себе Ла Моль. – Не посчастливится ли и мне найти такого же, чтобы пройти к королю Наваррскому?».

– Так тавайте фаш письм, – продолжал немецкий дворянин, протягивая руку к Коконнасу, стоявшему в нерешительности.

– Черт побери! Я не знаю, имею ли я право... – отвечал пьемонтец, недоверчивый по своей полуитальянской природе. – Я не имею чести знать вас.

– Я Пэм, я шелофек херцога де Гиз.

– Пэм, – пробормотал Коконнас. – Такого имени я не слышал.

– Это господин Бэм, мой командир, – вмешался часовой. – Вас сбило с толку его произношение. Отдайте ему письмо, я за него ручаюсь.

– Ах, господин Бэм! – воскликнул Коконнас. – Как же мне не знать вас! Ну конечно, я имею это удовольствие! Вот мое письмо. Простите, что я колебался, но без этого нельзя, если хочешь выполнить свой долг.

– Карошо, карошо, не нато извинять сепя.

Ла Моль подошел к немцу и обратился с просьбой:

– Сударь, раз уж вы так любезны, не возьметесь ли вы передать и мое письмо, вместе с письмом моего товарища?

– Как фаш имя?

– Граф Лерак де Ла Моль.

– Граф Лерак де Ла Моль?

– Да.

– Такой не спаяю.

– Неудивительно, что я не имею чести быть вам знакомым, я не здешний и так же, как граф де Коконнас, приехал издалека только сегодня вечером.

– А откута фы приехал?

– Из Прованса.

– С один письм?

– Да, с письмом.

– К херцог де Гиз?

– Нет, к его величеству королю Наваррскому.

– Я не слушаю у короля Нафаррский, – холодно ответил Бэм, – я не могу перетафать фаш писем.

Бэм отошел от Ла Моля и, войдя в Луврские ворота, сделал знак Коконнасу следовать за собой.

Ла Моль остался в одиночестве.

В ту же минуту из соседних Луврских ворот выехал отряд всадников – около ста человек.

– Ага, вот и де Муи со своими гугенотами, – сказал часовой своему товарищу. – Они сияют: король обещал им казнить того, кто стрелял в адмирала, а так как этот парень убил и отца де Муи, то сын одним ударом отомстит за обоих.

– Простите, – обратился Ла Моль к солдату, – ведь вы, кажется, сказали, что этот офицер – господин де Муи?

– Совершенно верно.

– И что сопровождающие – это...

– Нечестивцы, сказал я.

– Благодарю, – ответил Ла Моль, как будто не слыхав презрительной клички, которую дал гугенотам часовой. – Мне только это и надо было знать.

Сказавши это, он подошел к командиру всадников.

– Сударь, – сказал Ла Моль, – я сейчас узнал, что вы – господин де Муи.

– Да, сударь, – учтиво ответил командир.

– Ваше имя, хорошо известное всем, исповедующим протестантскую религию, дает мне смелость обратиться к вам с просьбой оказать мне услугу.

– Какую, сударь? Но сначала – с кем имею честь говорить?

– С графом Лераком де Ла Моль. Молодые люди обменялись поклонами.

– Слушаю вас, сударь, – сказал де Муи.

– Сударь, я прибыл из Экса с письмом от господина Д'Ориака, губернатора Прованса. Письмо адресовано королю Наваррскому и включает в себе важные и спешные известия... Каким образом я мог бы передать письмо? Как мне пройти в Лувр?

– Пройти в Лувр – это проще простого, сударь, – отвечал де Муи, – но я боюсь, что король Наваррский сейчас очень занят и не сможет вас принять. Ну, не беда, пойдемте со мной, если хотите, и я доведу вас до его покоев, а дальше уж как хотите.

– Тысяча благодарностей!

– Идемте, сударь, – сказал де Муи.

Де Муи спешил, бросил поводья своему лакею, подошел к воротам, назвал себя часовому, провел Ла Моля в замок и, отворив дверь в покои короля Наваррского, сказал:

– Входите и узнайте сами, сударь.

Затем поклонился Ла Молю и удалился.

Оставшись в одиночестве, Ла Моль огляделся.

Передняя была пуста, одна из внутренних дверей отворена.

Ла Моль сделал несколько шагов и очутился в коридоре.

Он стучал и звал, но никто не откликался. Полнейшая тишина царила в этой части Лувра.

«А мне еще говорили про строгий этикет! – подумал он. – Да по этому дворцу можно разгуливать, как по городской площади!».

Он позвал еще раз, но с тем же успехом.

«Что ж, пойдем прямо, – подумал он, – в конце концов кого-нибудь да

встречу».

Он пошел по коридору; везде было темно.

Вдруг в противоположном конце коридора отворилась дверь, на пороге появились два пажа с канделябрами и осветили стройную фигуру женщины, величавой и поразительно красивой.

Свет упал прямо на Ла Моля – тот замер на месте.

Женщина, увидав Ла Моля, тоже остановилась.

– Что вам угодно, сударь? – спросила она, и голос ее прозвучал в ушах молодого человека дивной музыкой.

– Сударыня, прошу извинить меня, – сказал Ла Моль, потупив взор. – Господин де Муи был так любезен, что привел меня сюда, а я ищу короля Наваррского.

– Его величества здесь нет, сударь; по-моему, он у шурина. Но раз его нет, ведь вы могли бы передать королеве...

– Конечно, мог бы, сударыня, если бы кто-нибудь соблаговолил представить меня ей.

– Вы перед ней, сударь.

– Как?! – воскликнул Ла Моль.

– Я королева Наваррская, – сказала Маргарита. Ла Моль так сильно вздрогнул от растерянности и от испуга, что королева улыбнулась:

– Сударь, говорите скорее, – сказала она, – меня ждут у королевы-матери.

– Ваше величество, если вас ждут, разрешите мне удалиться – сейчас я не в силах говорить. Я не могу собраться с мыслями – я ослеплен вами. Я уже не думаю, я только восхищаюсь.

Во всем обаянии своей прелести и красоты Маргарита подошла к молодому человеку, невольно оказавшемуся утонченным придворным льстецом.

– Придите в себя, сударь, – сказала она. – Я подожду, и меня подождут.

– Простите, что я не приветствовал ваше величество со всей почтительностью, какую вы вправе ожидать от одного из ваших покорнейших слуг, но...

– Но, – подхватила Маргарита, – вы приняли меня за одну из моих придворных дам.

– Нет, за призрак красавицы Дианы де Пуатье. Мне говорили, что он появляется в Лувре.

– Знаете, я за вас не беспокоюсь, – сказала Маргарита, – вы сделаете карьеру при дворе. Вы говорите, у вас есть письмо к королю? Сейчас вам не удастся с ним увидеться. Но это не беда. Где письмо? Я передам... Только поскорее, прошу вас.

Ла Моль вмиг распустил шнурки своего камзола и вынул из-за пазухи письмо, завернутое в шелк.

Маргарита взяла письмо и прочла надпись.

– Вы господин де Ла Моль? – спросила она.

– Да, ваше величество. Боже мой! Откуда мне такое счастье, что вашему величеству известно мое имя?

– Я слышала, как его упоминали и король, мой муж, и герцог Алансонский, мой брат. Я знаю, что вас ждут.

Королева спрятала за свой тугой от вышивок и алмазов корсаж письмо, только что лежавшее на груди молодого человека и еще хранившее ее тепло. Ла Моль жадно следил за каждым движением Маргариты.

– Теперь, сударь, – сказала она, – спуститесь в нижнюю галерею и ждите там, пока за вами не придут от короля Наваррского или от герцога Алансонского. Один из моих пажей проводит вас.

С этими словами Маргарита пошла своей дорогой. Ла Моль посторонился, но коридор был так узок, а фижмы королевы Наваррской так широки, что

ее шелковое платье коснулось одежды молодого человека, и в то же время аромат духов наполнил пространство, где она прошла.

Ла Моль вздрогнул всем телом и, чувствуя, что сейчас упадет, прислонился к стене.

Маргарита исчезла, как видение.

– Сударь, вы идете? – спросил паж, которому было приказано проводить Ла Моля в нижнюю галерею.

– Да, да! – восторженно воскликнул Ла Моль, видя, что юноша указывает туда, куда удалилась Маргарита: он надеялся догнать ее и увидеть еще раз.

В самом деле, выйдя на лестницу, он заметил королеву, уже спустившуюся в нижний этаж; случайно или на звук шагов Маргарита подняла голову, и он увидел ее снова.

– О, это не простая смертная, это богиня, – следуя за пажом, прошептал Ла Моль, – как сказал Вергилий Марон: «Et vera incessu patuit dea»⁵.

– Что же вы? – спросил юный паж.

– Иду, иду, простите, – отвечал Ла Моль. Паж прошел вперед, спустился этажом ниже, отворил одну дверь, потом другую и остановился на пороге.

– Подождите здесь, – сказал он.

Ла Моль вошел в галерею, и дверь за ним затворилась.

Галерея пустовала, только какой-то дворянин прогуливался взад и вперед и, видимо, тоже кого-то поджидал.

Вечерние тени, спускаясь с высоких сводов, окутывали все предметы таким густым мраком, что молодые люди на расстоянии двадцати шагов не могли разглядеть один другого.

Ла Моль пошел навстречу этому дворянину.

– Господи помилуй! – подойдя к нему совсем близко, тихо сказал он, – ведь

это граф де Коконнас.

Пьемонтец обернулся на шум шагов и стал разглядывать Ла Моля с неменьшим изумлением.

– Черт меня побери, если это не господин де Ла Моль! – вскричал он. – Тьфу, что я делаю?! Ругаюсь в доме короля! А впрочем, сам король ругается, пожалуй, еще похлеще, и даже в церкви. Итак, мы оба в Лувре?

– Как видите; вас провел господин Бэм?

– Да! Очаровательный немец этот господин Бэм. А кто провел вас?

– Господин де Муи... Я ведь говорил вам, что гугеноты тоже немало значат при дворе... Что ж, повидались вы с герцогом де Гизом?

– Еще нет... А вы получили аудиенцию у короля Наваррского?

– Нет, но скоро получу. Меня привели сюда и попросили подождать.

– Вот увидите: нас ждет роскошный ужин, и на этом пиршестве мы окажемся рядом. А случай и в самом деле странный! В течение двух часов судьба все время сводит нас... Но что с вами? Вы как будто чем-то озабочены?

– Кто, я? – вздрогнув, спросил Ла Моль, все еще словно замороженный видением, представшим передним. – Нет, я не озабочен, но самое место, где мы находимся, вызывает у меня целый рой мыслей.

– Философических размышлений, не так ли? И у меня тоже. Как раз когда вы вошли, мне вспомнились уроки моего наставника. Граф, вы читали Плутарха?

– Еще бы! – с улыбкой отвечал Ла Моль. – Это один из самых любимых моих авторов.

– Так вот, – серьезно продолжал Коконнас, – по-моему, этот великий человек не ошибся, сравнивая наши природные способности с ослепительно яркими, но увядающими цветами и видя в добродетели растение бальзамическое, с невыдыхающимся ароматом и представляющее

собой лучшее лекарство от ран.

– А разве вы знаете греческий, господин де Коконнас? – спросил Ла Моль, пристально глядя на собеседника.

– Я-то не знаю, но мой наставник знал и усиленно советовал мне побольше рассуждать о добродетели, если я буду при дворе. Это, говаривал он, производит прекрасное впечатление. Так что, предупреждаю вас, – по этой части я собаку съел. Кстати, вы не проголодались?

– Нет.

– А мне казалось, что в «Путеводной звезде» вас очень соблазняла курица на вертеле. Ну, а я умираю с голоду.

– Вот вам, господин де Коконнас, отличный случай применить к делу ваши доводы в защиту добродетели и доказать преклонение перед Плутархом, ибо этот великий писатель говорит в одном месте: «Полезно упражнять душу горем, а желудок – голодом» – *Prepon esti ten men psuchen odune, ton de gastera limo askeyn*».

– Вот как! Вы, стало быть, знаете греческий? – с изумлением воскликнул Коконнас.

– Честное слово, знаю! – ответил Ла Моль. – Меня мой наставник выучил.

– Черт побери! Ваша карьера обеспечена, граф: с королем Карлом вы будете сочинять стихи, а с королевой Маргаритой говорить по-гречески.

– Не считая того, что я могу говорить по-гасконски с королем Наваррским, – со смехом добавил Ла Моль.

В эту минуту в конце галереи, ведущей к покоям короля, отворилась дверь, раздались шаги, и из темноты стала приближаться тень. Тень приняла очертания человеческого тела, а тело принадлежало командиру стражи – господину Бэму.

Он посмотрел в упор на молодых людей, чтобы узнать своего, и жестом пригласил Коконнаса следовать за собой.

Коконнас помахал Ла Молю рукой.

Бэм провел Коконнаса до конца галереи, отворил дверь, и они очутились на верхней ступеньке лестницы. Тут Бэм остановился, огляделся и спросил:

– Каспатин де Гогоннас, фы где шивет?

– В гостинице «Путеводная звезда», на улице Арбр-сек.

– Карошо, карошо! Эта два шаг от сдесь..., идить скоро-скоро фаш гостиниц. Ф этот ночь... Он снова огляделся.

– Так что же в эту ночь? – спросил Коконнас.

– Так ф этот ночь, – ответил он шепотом, – фы ходить сюда с белый крест на фаш шляпа. Пароль для пропуск пудет – «Гиз». Те! Ни звук!

– А в котором часу должен я прийти?

– Когда фы услышить напат.

– Напат? – переспросил Коконнас.

– Напат, напат: пум! пум! пум!..

– А-а, набат!

– Я так и скасал.

– Хорошо, приду, – ответил Коконнас и, поклонившись Бэму, отправился восвояси, втихомолку рассуждая сам с собой:

«Что все это значит и какого черта будут бить в набат? Э, да не все ли равно! Я остаюсь при своем: этот господин Бэм – очаровательный немец. А не подождать ли мне графа де Ла Моля? Да нет, не стоит: он, может быть, останется ужинать у короля Наваррского».

Коконнас пошел прямо на улицу Арбр-сек, куда его как магнитом притягивала вывеска «Путеводной звезды».

В это самое время в галерее отворилась другая дверь, со стороны покоев

короля Наваррского, и к Ла Молю подошел паж.

– Вы – граф де Ла Моль? – спросил он.

– Он самый.

– Где вы живете?

– На улице Арбр-сек, в «Путеводной звезде».

– Отлично, это в двух шагах от Лувра. Слушайте! Его величество приказал передать вам, что сейчас он не может вас принять, но очень может быть, что пошлет за вами ночью. Во всяком случае, если завтра утром вы не получите от него никаких известий, приходите сюда, в Лувр.

– А если часовой меня не пропустит?

– Ах да, верно... Пароль – «Наварра». Скажите это слово, и перед вами откроются все двери.

– Благодарю вас!

– Подождите, сударь: мне приказано проводить вас до ворот, чтобы вы не заблудились в Лувре.

«Да! А как же Коконнас? – выйдя из дворца, подумал Ла Моль. – Впрочем, он поужинает у герцога де Гиза».

Но первый, кого он увидел у Ла Юрьера, был Коконнас, уже сидевший за столом перед огромной яичницей с салом.

– Э-э! Мне сдается, что вы так же пообедали у короля Наваррского, как я поужинал у герцога де Гиза! – с хохотом сказал Коконнас.

– По чести говоря, так!

– И вы проголодались?

– Еще бы!

– Несмотря на Плутарха?

– Граф, у Плутарха есть и другое изречение, а именно:

«Имущий должен делиться с неимущим», – со смехом отвечал Ла Моль. – Итак, из любви к Плутарху разделите со мной вашу яичницу, и за трапезой мы побеседуем о добродетели.

– Э, нет, – ответил Коконнас, – честное слово, такого рода беседы хороши в Лувре, когда боишься, что тебя слышат, и когда у тебя в желудке пусто. Садитесь и давайте ужинать.

– Теперь и я окончательно убедился, что судьба связала нас неразрывно. Вы будете спать здесь?

– Понятия не имею.

– Я тоже.

– Я знаю только одно – где я проведу ночь.

– Где же?

– Там же, где и вы, – это неизбежно.

Оба расхохотались и воздали честь яичнице Ла Юрьера.

Глава 6

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

А теперь, если читателю интересно, почему король Наваррский не принял господина де Ла Моля, почему господин де Коконнас не мог увидаться с герцогом де Гизом и почему, наконец, оба дворянина, вместо того чтобы поужинать в Лувре фазанами, куропатками и дикой козой, поужинали яичницей с салом в гостинице «Путеводная звезда», пусть читатель соблаговолит вернуться вместе с нами в старинное королевское жилище и последовать за Маргаритой Наваррской, которую Ла Моль потерял из виду у входа в большую галерею.

Когда Маргарита спускалась с лестницы, в кабинете короля был герцог Генрих де Гиз, которого она не видела после своей брачной ночи. Лестница, с которой спускалась Маргарита, как и дверь кабинета короля, выходила в коридор, а коридор вел к покоям королевы-матери, Екатерины Медичи.

Екатерина Медичи в одиночестве сидела у стола, опершись локтем на раскрытый Часослов и поддерживая голову рукой, все еще поразительно красивой благодаря косметике флорентийца Рене, занимавшего при королеве-матери две должности – парфюмера и отравителя.

Вдова Генриха II была в трауре, которого ни разу не сняла со дня смерти мужа. Теперь это была женщина лет пятидесяти двух – пятидесяти трех, но благодаря еще свежей полноте она сохранила остатки былой красоты. Ее покои, как и ее наряд, имели вдовий вид. Все здесь было темного цвета: стены, ткани, мебель. Только по верху балдахина над королевским креслом, где сейчас спала любимая левретка королевы-матери, подаренная ей зятем, королем Наваррским, и получившая мифологическое имя – Фебея⁶, яркими красками была написана радуга, а вокруг нее греческий девиз «Phos pherei te kal althren», который дал ей король Франциск I и который можно перевести следующим стихом:

Несет с собой он сеет, покой и тишину.

И вот когда королева-мать, казалось, всецело погрузилась в глубокую думу, вызывавшую ленивую и робкую улыбку на ее устах, подкрашенных кармином, какой-то мужчина внезапно отворил дверь, приподнял стенной ковер и, высунув бледное лицо, сказал:

– Дело плохо.

Екатерина подняла голову и увидела герцога де Гиза.

– Как, дело плохо?! – переспросила она. – Что это значит, Генрих?

– Это значит, что короля совсем околпачили его проклятые гугеноты и что если мы станем ждать его отъезда, чтобы осуществить наш замысел, то нам придется ждать еще долго, а может быть, и всю жизнь.

– Что же случилось? – спросила Екатерина, сохраняя свое обычное спокойное выражение лица, хотя отлично умела при случае придавать ему совсем другие выражения.

– Сейчас я в двадцатый раз завел с его величеством разговор о том, долго ли нам терпеть все выходки, которые позволяют себе господа гугеноты после ранения их адмирала.

– И что же вам ответил мой сын? – спросила Екатерина.

– Он ответил: «Герцог, народ, конечно, подозревает, что это вы подстрекатель убийства господина адмирала, моего второго отца; защищайтесь, как знаете. А я и сам сумею защититься, если оскорбят меня...» С этими словами он повернулся ко мне спиной и отправился кормить собак.

– И вы не попытались задержать его?

– Конечно, попытался, но король посмотрел на меня так, как умеет смотреть только он, и ответил хорошо известным вам тоном: «Герцог, мои собаки проголодались, а они не люди, и я не могу заставлять их ждать...» Тогда я пошел предупредить вас.

– И хорошо сделали, – сказала королева-мать.

– Но как же быть?

– Сделать последнюю попытку.

– А кто ее сделает?

– Я. Король один?

– Нет. У него господин де Таванн.

– Подождите меня здесь. Нет, лучше следуйте за мной, но на расстоянии.

С этими словами Екатерина встала и направилась в комнату, где на турецких Коврах и бархатных подушках лежали любимые борзые короля. На жердочках, вделанных в стену, сидели отборные соколы и небольшая пустельга, которой Карл IX любил травить мелких птичек в садах Лувра и начавшего строиться Тюильри.

По дороге королева-мать изобразила глубокую тревогу на своем бледном лице, по которому еще катилась последняя, на самом же деле первая слеза.

Она бесшумно подошла к Карлу IX, раздававшему собакам остатки пирога, нарезанного ровными ломтями.

– Сын мой! – заговорила Екатерина с дрожью в голосе, так хорошо наигранной, что король вздрогнул.

– Что с вами? – быстро обернувшись, спросил король.

– Сын мой, я прошу у вас разрешения уехать в любой из ваших замков, лишь бы он был подальше от Парижа.

– А почему? – спросил Карл IX, пристально глядя на мать своими

стеклянными глазами, которые в иных случаях становились пронизывающими.

– А потому, что с каждым днем меня все больше оскорбляют приверженцы новой церкви, потому, что сегодня я слышала, как гугеноты угрожали вам не где-нибудь, а здесь, в вашем Лувре, и я не хочу быть зрительницей такого рода сцен.

– Но послушайте, матушка: ведь кто-то хотел убить их адмирала, – ответил Карл IX, и в его тоне слышалось глубокое убеждение. – Какой-то мерзавец уже отнял у этих несчастных людей их мужественного де Муи. Клянусь честью, матушка, в королевстве должно же быть правосудие!

– О, не беспокойтесь, сын мой, – отвечала Екатерина, – они не останутся без правосудия: если откажете в нем вы, то они сами совершат его по-своему: сегодня убьют Гиза, завтра меня, а потом и вас.

– Ах, вот как! – произнес Карл IX, и в его голосе впервые прозвучала нотка подозрения. – Вы так думаете?

– Ах, сын мой, – продолжала Екатерина, всецело отдаваясь бурному течению своих мыслей, – неужели вы не понимаете, что дело не в смерти Франсуа де Гиза или адмирала, не в протестантской или католической религии, а в том, чтобы сына Генриха Второго заменить сыном Антуана Бурбона?

– Ну, ну, матушка, вы, как всегда, преувеличиваете, – ответил Карл.

– Что же нам делать, сын мой?

– Ждать, матушка, ждать! В этом – вся человеческая мудрость. Самый великий, самый сильный, самый ловкий тот, кто умеет ждать.

– Ждите, а я ждать не стану.

С этими словами Екатерина сделала реверанс и направилась к двери, намереваясь идти в свои покои. Карл остановил ее.

– В конце концов, что же мне делать, матушка?! – спросил он. – Прежде всего я справедлив и хочу, чтобы все были мной довольны.

Екатерина вернулась.

– Граф, – сказала она Таванну, ласкавшему королевскую пустельгу, – подойдите к нам и скажите королю, что, по-вашему, надо делать.

– Ваше величество, вы позволите? – спросил граф.

– Говори, Таванн, говори!

– Ваше величество, как поступаете вы на охоте, когда на вас бросается кабан?

– Черт возьми! Я подпускаю его к себе и всаживаю ему в горло рогатину.

– Только для того, чтобы он вас не ранил, – заметила Екатерина.

– И ради удовольствия, – ответил король со вздохом, который свидетельствовал об удалстве, переходившем в кровожадность. – Но убивать своих подданных мне не доставило бы удовольствия, а гугеноты такие же мои подданные, как и католики.

– В таком случае, государь, ваши подданные-гугеноты поступят, как кабан, которому не всадили рогатины в горло: они вспорют ваш трон, – сказала Екатерина.

– Это вы так думаете, матушка, – молвил король, всем своим видом показывая, что не очень верит предсказаниям матери.

– Разве вы не видели сегодня де Муи и его присных?

– Конечно, видел, раз я пришел сюда от них. Но разве просьба его не справедлива? Он просил меня казнить убийцу его отца, который покусился и на жизнь адмирала. Разве мы не наказали Монтгомери за смерть моего отца, а вашего супруга, хотя его смерть – просто несчастный случай?

– Хорошо, государь, оставим этот разговор, – ответила задетая за живое королева-мать. – Сам Господь Бог хранит ваше величество и дарует вам силу, мудрость и уверенность, а я, бедная женщина, оставленная Богом, конечно, за мои грехи, трепещу и покоряюсь.

Снова сделав реверанс, она сделала знак герцогу де Гизу, вошедшему к королю во время этого разговора, занять ее место и сделать последнюю попытку.

Карл IX проводил мать глазами, но на сей раз не стал ее удерживать; он принялся ласкать собак, насвистывая охотничью песенку.

Вдруг он прервал свое занятие.

– У моей матери истинно королевский ум, – заговорил он, – у нее нет ни колебаний, ни сомнений. А ну-ка возьмите да убейте несколько десятков гугенотов за то, что они явились просить правосудия! Разве они не имеют на это права в конце-то концов?

– Несколько десятков, – тихо повторил герцог де Гиз.

– А-а, вы здесь, герцог! – сказал король, притворившись, что только сейчас его увидел. – Да, несколько десятков; не велика потеря. Вот если бы кто-нибудь пришел ко мне и сказал: «Государь, вы разом будете избавлены от всех врагов, и завтра не останется ни одного из них, кто мог бы упрекнуть вас за смерть всех прочих», – ну, тогда Дело другое!

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)